

РУССКИЙ СЛЕД НА КИПРСКОМ БЕРЕГУ

1106–1922

**Издательство Русского православного
образовательного центра**

**Кипр
Ларнака
2022**

Авторы: Валерий и Наталия Зыковы

Русский след на Кипрском берегу

Ларнака: издательство Русского православного
образовательного центра

**© Copyright Natalia Zyкова
ISBN 978-9925-7498-7-4**

*Издание книги приурочено к 25-летию работы на Кипре
Русского православного образовательного центра.*

Кипр
Ларнака
2022

~ 2 ~

По благословению
приснопамятного Патриарха Московского и всея Руси
Алексия II

Приветственное слово Посла Российской Федерации в Республике Кипр С.В.Осадчего

Отношения России с греческим миром в целом и Кипром в частности - отдельная история, насчитывающая многие века. Погружаясь в ее глубины, читатель открывает для себя целую плеяду наших соотечественников, навеки вписавших свои славные имена в летопись Средиземноморья: путешественников, паломников, офицеров русской армии и выдающихся флотоводцев.

Что касается Кипра, авторам, на мой взгляд, удалось уловить главное: в отличие от других народов и цивилизаций, начиная от крестоносцев до Османов и англичан, которые на протяжении веков захватывали и грабили кипрские земли, только Россия всегда шла с миром. Наши предки приходили на остров не «с мечом», а в поисках веры и духовной близости двух народов.

Это отношение мы сохраняем и сейчас, несмотря на то, пресловутая «евросолидарность» зачастую вынуждает Кипр идти в фарватере недружественной нам политики Запада.

Нас многое связывает. Общая история, единая вера и многолетние культурные и экономические отношения позволяют нам с оптимизмом смотреть в будущее.

Отдельная благодарность энтузиастам и высоким профессионалам, проделавшим огромную работу с тем, чтобы оставить в памяти потомков благие деяния наших предков и яркий российский след в истории острова.

*Чрезвычайный и Полномочный Посол
Российской Федерации в Республике Кипр
Станислав Вилиорович Осадчий*

A handwritten signature in blue ink, which appears to be the name Stanislav Viliyevich Osadchii.

Предисловие

О памятнике датскому королю и трудах английских историков

Однажды, изучая миссионерские труды апостолов на Кипре, довелось мне побывать в Пафосе поблизости от руин церкви Панагии Хрисополитиссы, древней монументальной базилики. По преданию, в античные времена там находился городской форум, и именно там проповедовал апостол Павел. Наряду с другими важными историческими памятниками, мое внимание привлек небольшой мемориальный знак, посвященный датскому королю Эрику Доброму. Он умер на Кипре в 1102 году. Судьба этого участника Крестового похода не оказалась особенно интересной. О том, что полезного сделал король для Кипра, — неизвестно. Зато известно, что крестоносцы по пути в Святую землю грабили Кипр не единожды. А затем и вовсе захватили остров. Однако датчане установили в Пафосе памятник своему королю. Автор ничего против не имеет Эрика Доброго, тем более, что его брат Кнут был причислен к лику святых и почитаем народом Дании. Памятник датскому королю, прежде всего, свидетельствует, о том, как бережно относятся к истории своего королевства датчане. Когда-то за тридевять земель от родины скончался король Эрик. Значительное ли это событие для Кипра? Для истории? Но этот

король стоял во главе их страны, правил их предками, это **датский** король. И уже за одно это он достоин памяти и памятника.

Если твоя профессия историк — то куда бы судьба ни привела, ты интересуешься историей края, где живешь. Когда довелось мне преподавать общую историю в одном из колледжей Кипра, пришлось обратиться и к историческим исследованиям по истории острова. Тогда же познакомилась с рядом исследований английских историков. И вот, на что я обратила внимание: как деликатно, но последовательно и настойчиво, авторы высвечивают роль англичан, с их точки зрения, самую, что ни на есть, прогрессивную и цивилизующую кипрский народ. Как тщательно подбираются факты, какую большую работу проводит иной английский автор, чтобы его изложение истории было убедительным. Когда изучены десятки работ, то приходит понимание: это вовсе не совпадение субъективных взглядов тех или иных исследователей, но замечательно отлаженная система, которая предполагает, что любое соприкосновение с британской цивилизацией должно быть изображено английским историком как исключительно благотворное для любого народа.

«Ленивы и нелюбопытны?»

Автор вовсе не собирается критиковать английских коллег. Пусть это делают кипрские историки, если считают нужным. Хотелось бы на этот аспект историографии обратить внимание читателей, и поговорить о том, что нам, россиянам, тоже есть, что изучить на Кипре. И нам есть, что вспомнить о наших предках, потрудившихся здесь, есть, что рассказать кипрским друзьям, если за столетия они забыли некоторые русские имена. Наш великий Пушкин с горечью заметил, говоря о соотечественниках не отстраненно (он бы никогда не сказал о России «эта страна»), но с горечью: «Мы ленивы и нелюбопытны». Увы, он прав.

Но для того, чтобы пройти по русским следам на Кипре, надо их найти, и для этого необходимо учить свою историю, не лениться, проявляя любознательность. Надо ли нам это? Нужно ли россиянам, живущим на Кипре, обременять себя изучением истории российско-кипрских связей? Может быть, это удел только специалистов? Поверьте, не только. Всем известные последние события на Украине, в странах Прибалтики, Восточной и Западной Европы взывают: если мы не будем знать своей истории, мы не сможем аргументировано реагировать на попытки попрания заслуг наших предков, которые велики.

«Но никто на Кипре не посягает на

нашу историческую память», - предвижу голос оппонента. Пока это, к счастью, так. И все же позиция русскоговорящего сообщества Кипра, достаточно многочисленного, будет более устойчивой, укорененной, если мы и наши дети будут чувствовать себя на Кипре не «унесенными ветром», но наследниками великой русской цивилизации, характерной чертой которой всегда был гуманизм, великая культура и духовность.

Меч и перо.

Наши предки приходили на Кипр в отличие от многих других, не с мечом, но с пером. Чтобы не грабить и покорять, но изумляться красоте кипрской земли, высокой духовности греческого народа Кипра, поклоняться святыням православия, изучать и увековечивать в книгах Кипр и его историю. По счастью книги эти сохранились, и мы слышим голоса наших предков, доносящиеся до нас через века. Они свидетельствуют о дивном феномене: **русском следе на кипрской земле.** Давайте же, если не ради себя, то хотя бы ради наших детей и внуков потрудимся на историческом поприще, чтобы не услышать неуважительное «понаехали тут». А если доведется услышать нечто подобное, достойно и доказательно объяснить заблуждения и рассказать о русских на Кипре.

Мы в своих изысканиях прикоснулись к этой теме и хотим поделиться с Вами своими обретениями. Мы хотим поведать нашим читателям об игумене Данииле, первом известном русиче, который побывал на Кипре в начале XII века; о Василии Григоровиче-Барском, исследователе, писателе и путешественнике, который оставил потомкам талантливое описание Кипра в годы турецкого владычества. Мы вспомним о петербурженке матушке Варваре Катаевой, благодаря которой был спасен Кипрский Афон - Монастырь Святого Креста. Достойны самого пристального внимания и труды первых российских дипломатов, которые, будучи греками, мужественно отстаивали интересы Российской империи за тысячи ки-

лометров от России. Наконец, должны мы вознести молитвы о русских изгнанниках, которые в трагические годы Гражданской войны в России не по своей воле вынуждены были покинуть любимое Отечество, чьи могилы находятся на Кипрской земле.

Материалы о названных исторических деятелях и событиях, с ними связанных, читатели найдут в этой книге. Наша работа не претендует на подробное исследование такой необъятной и еще недостаточно изученной темы, как история российско-кипрских отношений. Но если некоторые страницы заинтересуют читателей, то авторы будут считать свою задачу выполненной.

Давайте же вместе пройдем по русским следам на кипрской земле. В добрый час!

Глава первая

Посланец Киевской Руси

Энотита значит Единство.

В 2006 году исполнилось 900 лет прибытия на Кипр посланца Киевской Руси игумена Даниила. По пути в Святую землю игумен остановился на Кипре, посещал его святыни, уделив особенное внимание, монастырю Святого Животворящего Креста. В своей книге «Хождения», которую игумен Даниил написал после поездки, он поместил рассказ об острове, его истории и духовных сокровищах. Игумен Даниил стал самым первым известным посланцем Киевской Руси, который побывал на Кипре и положил начало духовным связям между народами наших стран. По благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и при поддержке священноначалия Кипрской Православной Церкви в 2006 году Русский православный образовательный центр в честь этого события провел на острове российско-кипрский фестиваль «Энотита – значит единство». Фестиваль был открыт торжественным молебном на кипрском Афоне. Так на Кипре называют Святой Монастырь Ставровуни, братия которого приняла непосредственное участие в событии.

В ходе подготовки и проведения фестиваля у его организаторов возникла идея установить мемориальный знак, посвященный славному юбилею. Инициативу Русского православного образовательного центра поддержал Патриарх Московский и всея Руси Алексий II и настоятель монастыря Ставровуни любимый старец кипрского народа архимандрит Афанасий. Игумен освятил место будущего мемориального знака. Мэр г. Москвы Юрий Лужков и Фонд Юрия Долгорукого оказали финансовую поддержку. В течении полугода на Кипре были проведены художественные выставки и концерты, детский православный слет, Дни славянской письменности и культуры, посвященные писателям Древней Руси. Русскоязычное сообщество Кипра приняло участие в паломничествах к православным святыням острова по стопам игумена Даниила. В событии приняло участие множество киприотов и русскоязычных жителей острова. Мы представляем Вам статью известного кипрского византолога, иконописца и педагога Георгия Петру о фестивале. Он создал много

икон, которые украшают храмы Кипра. По просьбе прихожан храма Святого Лазаря из города Людиново Калужской области Георгий написал для храма икону святого Лазаря. Он – один из авторов фундамен-

тальной монографии «Искусство иконописи Древнего Китиона». В настоящее время Г. Петру преподает византологию в учебных заведениях Кипра.

Хранители памяти.

«Есть люди, на которых Господь возлагает особую миссию: быть хранителями памяти народа. И мы можем догадаться, почему избраны именно эти люди для столь нелегкой миссии: они любят свою Родину, знают ее историю и культуру, а это есть подлинное сокровище, которое накопило человечество. Хранители памяти хотят, чтобы этими сокровищами обладало как можно большее число их современников. Именно из среды таких людей и вышли древнерусский историк преподобный Нестор Летописец, византийский историк царица Анна Комнина, кипрский летописец Леонтий Махерас, Даниил Черниговский и Василий Григорович-Барский.

Я уверен, что мои русские друзья, которым я посвящаю эту статью, очень удивятся, когда узнают, что я сравнил их с такими знаменитыми историческими личностями. И все же, говоря здесь о работе Русского Православного Образовательного Центра, мы должны признать, что его руководители относятся к этой славной и очень не-

многочисленной когорте людей, которых мы здесь называем «хранителями памяти народа». Причем, поставлены мои друзья в нелегкие условия, когда они несут двойную ответственность, работая на благо двух народов, Кипра и России. 10 лет работы РПОЦ наполнены добрыми делами: паломничества, уроки православия, образовательные лекции для взрослых, интересные радиопередачи. Но есть на карте работы РПОЦ две особенные вершины: два юбилея, которые были проведены по их инициативе и при их участии. Нам, киприотам, публикации Натальи Зыковой в кипрских газетах напомнили о нашем долге перед Василием Григоровичем-Барским, человеком, который любил мою маленькую страну, сочувствовал ее нелегкой судьбе. Православный фестиваль «Единство» для многих на Кипре стал настоящим открытием. Неужели 900 лет насчитывают наши сердечные отношения с русским народом?! Даже для истории Кипра, которой несколько тысячелетий, 900 лет –

это огромный срок. И мы были с русскими всегда рядом: когда царица Анна ехала в Киевскую Русь, чтобы стать женой святого князя Владимира; когда гордая византийская царица Зоя Палеолог стала женой Ивана III; когда Екатерина II писала грозное письмо турецкому султану; когда в самые безбожные годы, Москва с ликованием встречала первого президента Кипра. В те дни, любящие русские сердца устремлялись к предстоятелю древнейшей христианской Церкви, архиепископу Кипра Макариосу III.

А 13 мая 2006 года произошло историческое событие. Я не преувеличиваю его значение, отнюдь. Иногда участники настоящего исторического события не дооценивают его и не замечают его важности. И, наоборот, увы, события, которые нам кажутся судьбоносными, оказываются просто «суетой сует». Но, благо, есть люди, которые во всех этих премудростях разбираются лучше нас. И это монахи Святого монастыря Ставровуни. Они высоко оценили прекрасную идею проведения Православного фестиваля «Единство».

Да! Для начала такого праздника нужно было, чтобы произошло то, что произошло утром 13 мая на святой для каждого кипрского сердца вершине. Вновь, как 900 лет назад, посланники русской земли поднялись на Ставровуни. Они при-

шли сюда, чтобы почтить своих предков, и почтить тех киприотов, которые, обретя веру от апостолов, делились ею, как хлебом, со своими русскими братьями. По духовному примеру игумена Земли Русской Даниила на святую гору Ставровуни была принесена простая стеклянная Лампада, но она была ценней любых драгоценных светильников. Ведь возжена она была у Честного Животворящего Креста любимым нашим старцем архимандритом Афанасием, по благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, и духовного наследника Друга Христа, Лазаря Четверодневного, епископа Китионского Хризостома. И разве не чудо, что среди русских паломников был маленький мальчик по имени Даниил, чей дедушка, влюбленный в Кипр православный, построил в России храм во имя святого Лазаря. Вновь через 900 лет русич Даниил пришел на Ставровуни! Свет Лампады, ровный и чистый, освещал прекрасные лица людей, наших братьев по вере. Неугасим, прекрасен и светел тот свет, как свет православия. С открытием фестиваля «Единство», дорогие русские братья и сестры!

Этот рассказ был опубликован в мае 2006 г после открытия Православного фестиваля «Единство» в газете «Европа-Кипр» №102 от 19.05.06.

Памятник на Святой горе.

Между тем, работа над сооружением памятного знака началась. Был создан организационный комитет по сооружению памятника, в который вошли: посол России в Республике Кипр Андрей Нестеренко, директор Российского центра науки и культуры Роман Вавилов, руководители Русского православного образовательного центра Валерий и Наталия Зыковы, священник отец Виктор (Зогий).

Памятник был торжественно открыт 31 октября 2009 года на вершине горы Ставровуни у стен древнего

монастыря IV века Святого Животворящего Креста.

Секретарь Московской Патриархии по зарубежным учреждениям епископ Егорьевский Марк совершил освящение памятника.

В торжественной церемонии приняли участие посол России в Республике Кипр Вячеслав Шумский, братья обители во главе с настоятелем архимандритом Афанасием, представителей православной общности, члены общественных организаций соотечественников и др.

Проект памятника - плод коллективных усилий русскоговорящего сообщества Кипра. Каждый соотечественник мог на страницах русскоязычного еженедельника «Европа-Кипр» выступить с предложением или высказать свое мнение.

Организационному комитету большую помощь и поддержку оказали священноначалие Русской и Кипрской Православных церквей, Благотворительный фонд им. Юрия Долгорукого, Ассоциация российских бизнесменов на Кипре.

Памятник представляет собой камень, напоминающий своими очертаниями святую гору Ставровуни. Над ним возвышается русский восьмиконечный крест, символ посещения Кипра и монастыря Ставровуни игуменом Даниилом и русскими паломниками последующих поколений.

Надпись на камне призвана отметить личный вклад игумена Даниила в установление духовных контактов между братскими православными народами:

**В ОЗНАМЕНОВАНИЕ 900-ЛЕТИЯ ПАЛОМНИЧЕСТВА
В МОНАСТЫРЬ СТАВРОВУНИ НА СВЯТОЙ
КИПРСКОЙ ЗЕМЛЕ
ИГУМЕНА ДАНИИЛА, ПОЛОЖИВШЕГО НАЧАЛО
ДУХОВНЫМ СВЯЗЯМ НАРОДОВ КИПРА И
КИЕВСКОЙ РУСИ
ОТ БЛАГОДАРНЫХ ПОТОМКОВ.
1106-2006 гг.**

Значительным событием Фестиваля стала презентация издания Русского православного образовательного центра - книги Наталии Зыковой «Посланец Киевской Руси», фрагменты которой мы помещаем ниже.

Корни и крона.

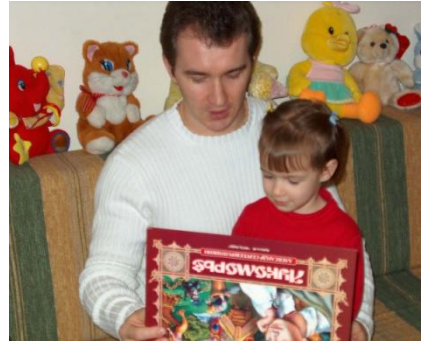
Достижения есть у каждого народа, населяющего планету Земля. Ведь каждый народ внес плоды своего труда, интеллектуальной и духовной деятельности в копилку мировой цивилизации. Русский народ создал уникальную культуру, которой каждое поколение русских людей имеет право гордиться, и должно овладевать ею, если не хочет оказаться в положении наследника огромного достояния, бездумно промотавшего то, что предки наживали неустанным трудом. Драгоценнейшие духовные сокровища нашей культуры – русский язык и русская литература. Только произнесите эти заветные слова – русская словесность, и сразу в памяти зазвонит родное имя: Александр Сергеевич Пушкин.

Каждый год в один из декабрьских вечеров москвичи приходят к памятнику Пушкину. На будущий год исполнится 170 лет со дня гибели поэта, но приходят люди, читают стихи, возлагают цветы.

Помню, маленький сын, зажав в ладошке гвоздику, стоял у памятника любимому поэту и с выражением читал: «У лукоморья дуб зеленый...».

Проходит четверть века, наш взрослый сын сидит со своей маленькой дочуркой над книгой А. Пушкина.

И вновь звучат волшебные слова: «У лукоморья...».

Эти завораживающие пушкинские стихи входят в детскую душу, чтобы отозвалась она добрыми поступками, справедливостью, милосердием, любовью к близким, русскому слову, Родине. Слово Пушкина поможет разглядеть моей внучке образ Божий в себе, красоту, которая заложена Создателем в каждом человеке. Та самая красота, которая, по словам другого великого русского сердцевода, спасет мир. Как хочется верить, что наши внуки продолжают традиции своего народа, и будут брать за образец заветы русского слова.

Пушкин, Гоголь, Достоевский - ветви могучего древа. Сколько ветвей на нем, какие имена, какие судьбы. Неиссякаема его жизненная сила, а это бывает лишь тогда, когда имеет оно глубокие крепкие корни.

О них сегодня речь, о корнях, истоках, начале начал русской культуры. А еще о том, как слово одного писателя Древней Руси было сказано о

православном Кипре, и как это слово отозвалось на святой кипрской земле спустя девять столетий.

Сначала было слово.

Это было во второй половине IX века. Небольшое славянское племя моравян обратилось к императору Византии Михаилу с просьбой прислать проповедников, которые бы смогли истолковать моравянам Библию.

В Моравию были посланы ученые монахи братья Кирилл и Мефодий.

Ученые братья знали славянский язык. В 862 году братья приступили к своей великой миссии. Кирилл занялся изобретением азбуки, которая смогла бы передать все звуки славянской речи. После изобретения азбуки, братья Кирилл и Мефодий перевели Священное Писание и все богослужебные книги с греческого

на славянский язык. Подвиг проповеди Слова Божия братьями был высоко оценен Церковью. Братья были причислены к лику святых.

В 988 году содействием великого киевского князя Владимира, Русь была крещена прибывшими из Византии греческими священниками.

Вместе со священниками прибыли на Русь и драгоценные рукописные сокровища – книги, в которых излагалось христианское вероучение. Книги были написаны на славянском языке, и поэтому русичи их понимали. Наши предки не только учились у других. Уже в начале XI века появляются письменные произведения принадлежащие русским

людям. Книги сразу полюбились нашим предкам. Каждый монастырь имел собрания книг. Собирали книги и князья, и дружинники, и горожане, и земледельцы.

Книги ценились очень дорого, их хранили в крепких кладовых, передавали из рода в род, как самую ценную часть наследства. Книголюбы не жалели денег на переписывание книг, украшали их дорогими

застежками, серебряной или золоченой оправой с жемчугами и драгоценными камнями. Увы, лишь малая толика книжных сокровищ дошла до наших дней. В огне пожаров татаро-монгольского нашествия погибли бесценные книжные сокровища, и остались неизвестными имена писателей, и не прочитанными потомками строки.

Писатели Древней Руси.

Сколь же бережно надо нам относиться к каждому слову, которое доносится до нас, потомков русичей, из глубины веков.

Разгадывать загадки русской души не устают исследователи разных областей гуманитарных направлений. Как исторически складывались свойства души русского человека? Конечно же, в первую очередь, под влиянием земли, на которой он родился, жил, трудился и умирал. На наших равнинных просторах, в чаще непроходимых лесов выковывался характер упорный, негибачый, но и удивительно доверчивый и открытый. На народный характер повлияло и русское слово. И повлияло решающим образом. Как жаль, что постепенно древнерусская литература ушла из школьных учебников, мы не знаем церковнославянского языка, величавого, образного, поэтичного.

«Не лепо ли бѣше братія начати старыми словесами трудныхъ повестей о князе Игорѣ, Игорѣ Святославичѣ», - читал по памяти мой старенький дедушка, крестьянин из маленького заволжского села, который родился в 90-х годах XIX века и закончил только церковно-приходскую школу. Мы же, порой имея высшее гуманитарное образование, не можем даже назвать первых писателей Киевской Руси. Между тем, XI и XII века дали русскому народу выдающихся творцов: мудрого митрополита Иллариона и преподоб-

ного Феодосия Печерского, великого историка Нестора–летописца, блестящего государственного деятеля князя Владимира Мономаха, неутомимого путешественника и просветителя игумена Даниила. Они своим творчеством подготовили рождение гениального творения неизвестного древнерусского автора – «Слова о полку Игореве». Из наших первых шести писателей двое святых, митрополит, епископ, игумен и великий князь. О чем была наша литература? Об огромном счастье обретения христианской веры, о высоком идеале человека – христианина, о нравственности. Доносятся к нам из глубины веков мудрые слова Феодосия Печерского: «Любовь к Богу может быть выражена только делами, а не словами», и сегодня актуальны слова князя Владимира Мономаха: «Старых чти, как отца, молодых – как братьев... Что знаете доброго, того не забывайте, а чего еще не знаете, тому учитесь. Не ленитесь ни на что доброе».

Имя Нестора–летописца, автора «Повести временных лет» известно нашим современникам более других. Во многом благодаря великому Пушкину, который был прилежным читателем древнерусской литературы. Он имел все основания написать: «Мы обязаны монахам нашей историю, следственно, и просвещением». «Песнь о вещем Олеге» есть поэтический пересказ событий, описанных Нестором – летописцем.

Хождение игумена Даниила.

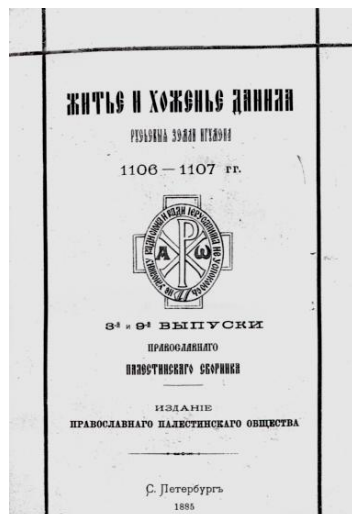
Наших предков интересовало не только «откуда есть, пошла земля Русская», но и то, как живут люди в других землях, дальних заморских краях. И особенно влекла православных Святая Земля, которая хранила зримые приметы пребывания на земле Господа нашего. Русичи –

народ любознательный, они с интересом читали описания святых мест Палестины, слушали рассказы греков, побывавших там. Но вскоре посланцы русской земли начинают и сами совершать паломничества в Палестину. Князья и бояре, княгини и княжны, иноки и миряне, купцы и

простолюдины шли, ехали, плыли на поклонение Гробу Господню. Все имели общее стремление – побывать в тех местах, где Сам Господь ходил по земле. Эта славная череда русских паломников не иссякает до наших дней. После многих лет безбожия, в конце XX века, вновь имя «русский паломник» стало известно, стало символом глубокой веры, готовности преодолеть тысячи труднейших препятствий, а порой опасностей, но достичь желанного благодатного места. А, достигнув, не уподобиться скупому рыцарю, но щедро поделиться с соотечественниками обретенными духовными богатствами.

В Древней Руси путешествия назывались хождениями, под этим же названием возник и интереснейший литературный жанр в древнерусской литературе. История предоставила честь открыть эстафету паломничества в Святую Землю наших соотечественников скромному русичу, игумену Даниилу. Произошло его паломничество ровно 900 лет тому назад. Наш предок написал прекрасный труд, описание своего путешествия. Оно известно в мировой литературе под названием «Житие и хождение Даниила Русской земли игумена».

По пути в Святую Землю русский путешественник остановился на Кипре, и составил красочное и взволнованное описание православ-

ного Кипра, его святынь. Это был первый посланец Киевской Руси, прибывший на святую землю Кипра, и ему выпала честь положить начало духовным связям между нашими народами. Благодаря таким людям, как игумен Даниил, и зародилось то подлинное братское единство, которым характеризуются отношения между Кипром и Россией. Это - золотое наследие, которого у наших народов никому не отнять. Лишь бы мы, наследники, смогли его бережно сохранить, приумножить, и детям нашим с любовью передать.

Об этом Патриарх Московский и всея Руси Алексий II сказал просто и мудро:

«Единство христиан есть одно из главных измерений подлинной церковности. Вот почему нам, православным христианам, так важно

ощущать свое братское единение во всеправославной семье».

Отдавая дань выдающемуся древнерусскому писателю, путешественнику и просветителю, мы пригла-

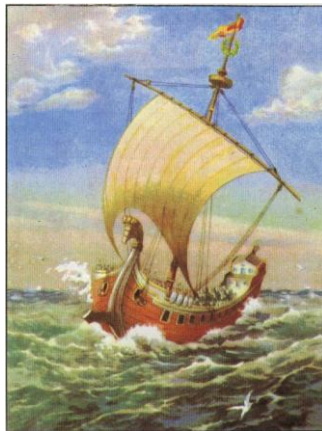
шаем наших читателей совершить паломничество вместе с посланцем Киевской Руси игуменом Даниилом, и побывать на Кипре в самом начале XII века.

От Царьграда к лукоморью.

Я читаю книгу, которая написана 900 лет тому назад. С трудом пробираюсь через неведомые слова церковно-славянского языка. Прочитав первую главу, замечаю, что почти не заглядываю в словарь, все больше и больше понимаю смысл прочитанного. Существует ли генетическая память? Я этого не знаю, только открывается душа навстречу этим словам: *«А се есть путь к Иерусалиму. От Царьграда по Лукоморью...и ту есть на Великое море внити, на шуе (налево) в Иерусалим, а на десно (направо) к Святой Горе, и к Риму».*

Когда-то в далеком XII веке из гавани Царьграда, столицы империи ромеев Византии, вышла русская ладья. И начала она свой путь к Святой земле Палестинской. И был на той ладье среди других мореплавателей один русич по имени Даниил. Его темные одежды выдавали духовное звание...

Идет ладья по лукоморью, вдоль изогнутого берега, разрезая причудливо украшенной носовой частью, что сделана в форме красавца лебе-

дя, бирюзовую морскую гладь. На море штиль, качки почти нет, гребцы споро работают веслами. Наш игумен, достав калам, специальную трость, которой писали на Руси, приготовил пергаментный свиток, расположив его на разогнутой левой руке, опираясь на колено. Через несколько минут покроет пергамент отчетливое, крупное письмо. Широкой толстою чертою нанесет игумен замечательной красоты буквы, и расскажет древнерусский устав (так называется вид письма) об удивительном паломничестве, которое совершит самый первый русский паломник в 1106 году.

Из страны по имени Русь.

Наш странник - русич. Так называли себя наши предки в XII веке. Совершив свое хождение (так называлось тогда путешествие, даже если оно совершалось за три моря), игумен напишет книгу, и станет она любимой и читаемой многими поколениями русских людей. Книга и автор станут настолько уважаемы у русского народа, что поместят потомки «Хождение» в Четьи - минеи, сборник описаний житий святых и их подвигов.

Итак, он был родом из страны, которая известна под именем Киевская Русь. Во главе Древнерусского государства стоял великий князь Киевский, старший в роду Рюриковичей.

В описываемый период Русь была единым государством. Вскоре, благодаря достойной позиции в ходе княжеских усобиц и долголетней успешной борьбы с кочевыми племенами половцев, Киевский престол займет внук византийского императора Константина Мономаха и великого русского князя Ярослава Мудрого - Владимир Мономах. Государство переживало небывалый культурный подъем, наступивший после принятия православия (988). В стенах первых монастырей трудились творцы русской культуры: вероучители, летописцы, иконографы. Всюду на Руси возносились к

небесам недавно построенные каменные храмы, осененные золотыми куполами, увенчанные православными крестами. Подъем сельского хозяйства, развитие ремесла и торговли, растущие города сделали Русь передовой европейской страной. Историки имеют все основания полагать, что «принятие христианства от самой развитой в то время в культурном отношении страны - Византии – позволило Древней Руси, в отличие от стран Запада, не имевших наследия античности, стать поистине культурной державой».

Откуда родом наш герой? Описывая святой Иордан, он сравнивает его с рекою Сновь. С таким названием на Руси было несколько рек, одна из них – на Черниговщине. Ученые полагают, что наш странник был оттуда родом, в пользу этой версии

говорит и тот факт, что в святых местах игумен поминает южнорусских князей. В исторической литературе нередко нашего героя называют Даниилом Черниговским. Чернигов был тогда одним из крупнейших русских городов. Торговые связи черниговцев простирались по всей Руси и далеко за ее пределами, торговали они даже в Лондоне. Это был народ активный, предприимчивый. Был в городе и кафедральный собор Спаса, появились и монастыри. Был ли наш герой игуменом одного из них, - неизвестно.

Описывать свое путешествие Даниил начинает из Царьграда (так называли наши предки Константинополь), что дало основание некоторым исследователям считать, что наш герой мог пребывать долгое время в Царьграде, столице Византийской империи. Это вполне вероятно. Русичей с Византией связыва-

ли самые разнообразные отношения. В Царьграде был целый квартал, где проживали русские купцы, были русские храмы. Русская православная церковь в то время была частью Константинопольской Патриархии. Императорский дом Византии и русских князей связывали и брачные узы, так, Владимир Мономах выдал свою дочь за сына Византийского императора Леона, внучка Владимира была замужем за императором Византии Исааком Комниным. Русские военные люди в описываемое время были на службе в личной гвардии императора ромеев (так называли себя византийцы, считая себя наследниками Римской империи). Путь нашего странника проходил вдоль берегов Ромейской державы. Давайте же обратим взор на страну, которой Русь обязана столь многими обретенными.

«Именем Бога умоляем вас...»

Во время путешествия нашего паломника на императорском престоле в Византии находился император Алексей Комнин. История его правления нам известна хорошо благодаря его дочери, царевне Анне, которая была выдающимся историком своего времени, и написала интереснейший труд «Алексиада», посвященный правлению своего отца. Мы узнаем из ее повествования, из

других источников, что Византия в конце XI–начале XII века переживала сложный и весьма драматичный период своей истории. В то время, еще недавно неизвестные цивилизованному миру туркмены, кочевавшие около Каспийского и Аральского морей, стали завоевывать Малую Азию. Вскоре они ее захватили почти всю, подвергая грабежам и разрушениям. Затем они

создали могущественный султанат, и стали угрожать самой столице Константинополю. В истории эти захватчики известны под именем турок – сельджуков. Родственные туркам племена половцев и печенегов распространились по южной Руси. Они совершали жестокие набеги на родину наших предков, а, когда переходили Дунай, то тревожили и Византию. Положение империи было просто катастрофическим. И вот тогда император Алексей Комнин пишет отчаянное послание государям Западной Европы. Это письмо сохранилось до наших дней, и потрясает ужасными подробностями злодейств, поруганиями христиан, насилиями и убийствами.

Император заклинает западных христиан придти на помощь. Стараясь привлечь западных рыцарей как можно скорее отправиться в поход, он красочно описывает богатства

Византии, которые в тот критический момент он был готов отдать в обмен за помощь в борьбе с турками. «Именем Бога умоляю вас, действуйте, пока есть время, дабы христианское царство и – что еще важнее – Гроб Господень не были для нас потеряны, дабы вы могли получить не осуждение, но высшую награду на Небесах». Упоминание Гроба Господня имеет важнейшее значение для нашего повествования. Малая Азия была захвачена турками – сельджуками, именно по этому району проходили пути паломников из Западной Европы в Палестину. К тому времени почти полтысячелетия Святая Земля находилась в руках мусульман. Если арабы относились к христианским паломникам вполне терпимо, то после завоевания турок паломничества стали практически невозможными, и христиане относились очень болезненно к этим изменениям.

В самом конце XI века начались крестовые походы, которые продолжались 200 лет. Наш герой отправился в свое паломничество после первого крестового похода, в результате которого было создано четыре христианских государства. Главным из них было Иерусалимское королевство, которым правил король Балдуин, выходец из Нижней Лотарингии (Восточная Франция).

А се есть путь к Иерусалиму.

Вернемся к нашему герою. Он продолжает свой путь, ладья миновала Мраморное море, прошла Дарданеллы, которые Даниил называет «Узким морем». Описывая путешествие, игумен Даниил обнаруживает прекрасные познания в географии. Так, он пишет, что если взять курс, пройдя «Узкое море», налево можно достичь Иерусалима, если же направо, то это будет путь на Святую гору Афон в Грецию и Рим. Наш любознательный русич, видимо, расспрашивает жителей посещаемых мест о расстояниях и тщательно записывает эти сведения, чтобы пригодились они тем, кто отправится во след ему поклониться святым местам. Хорошо знаком наш паломник и с историей христианства. Он называет святых, которые в посещаемых им краях вершили свои подвиги и приняли мучения. Особое описание посвящено городу Эфесу. Три дня провели паломники в этом почитаемом христианском центре, молились у его великих святых. В то время здесь поклонялись гробу Иоанна Богослова, посещали пещеру знаменитых семи отроков. «Они при царе Декии уснули, а проснулись через 360 лет при императоре Феодосии», - прилежно записал наш паломник. Также подробно описал он остров Патмос: «В том острове Иоанн Богословец Еванге-

лие написал, егда заточен был с Прохором». Завершилась первая часть пути в местах, связанных со святителем Николаем. Николай Чудотворец был и остается самым любимым святым русского народа. Описание Даниила доказывает, что уже на рубеже XI–XII веков русичи почитали Святителя, знали его житие. Даниил пишет о Патрах – родине св. Николая, о Мирах, где в XII веке еще находились мощи святого угодника. (Как известно, в настоящее время мощи святителя находятся в Италии в городе Бари). Святитель Николай - покровитель мореплавателей. Помолившись в родных краях Чудотворца, отправился наш путешественник дальше навстречу неведомому острову, который займет в его описании особое место. Плывет ладья по восточному краю Великого моря (**так наши предки называли море Средиземное**). Жадно вглядывается в голубую даль русский путешественник. Наконец начинает различать на горизонте кромку земли и голубые вершины гор. Пока ладья будет, огибая кипрские берега, приближаться к Фамагусте, наш паломник начнет писать новую главу в своей книге, которую он назовет «О Кипрском острове». Вновь в его руках свиток пергамента, большая часть которого уже покрыта письменами. Даниил стара-

тельно записывает, поглядывая на кипрские берега: «Кипр есть остров велик зело». Попутный ветер раздувает паруса, весело идет ладья, совсем скоро причалит она у берегов Кипра. Наш паломник, склонившись над заветным свитком, задумался, вспоминая долгие недели нелегкого,

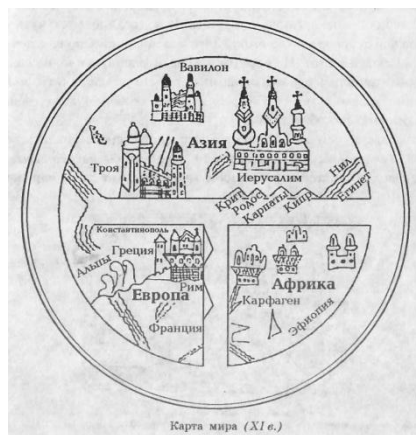
но такого интересного пути, который привел его из Царьграда к кипрским берегам. А мы немного опередим наш кораблик, который «бежит себе в волнах на раздутых парусах», и перенесемся на остров Кипр, чтобы разузнать, в какую землю держит путь наш странник.

О двух потоках времени.

Кипр в начале XII века - земля Византийская. Вместе с Византией был пройден большой путь. Если христианский опыт молодой Руси был чуть более одного века, то за плечами у кипрского народа более тысячи лет христианского пути. И были на этом пути удивительные обретения, тяжкие испытания, радость обретенной благодати по молитвам святых мучеников. Здесь родились святые Варнава и великий чудотворец Спиридон, святые апостолы в 45 году принесли на землю Кипра Слово Божие, а в IV веке святая Елена даровала Кипру Животворящие Частицы Креста Господня.

Трагичным испытаниям подверглась кипрская земля во время арабских нападений. Захватчики разрушили цветущие кипрские города, угнали в рабство тысячи людей. Помнили жители острова о том, как пришлось разлучиться с родиной. По приказу императора жители вынуждены были отправиться в эва-

куацию, так как не было сил у Византии в то время оказать захватчикам отпор. Гордились киприоты своими богатырями, акритами, которые защищали остров от захватчиков после возвращения народа в родные края. И вот, словно награда после страданий, как передышка в несчастьях и борениях, которая случилась в правление императоров из династии Комнинов, почти два столетия мирной жизни.

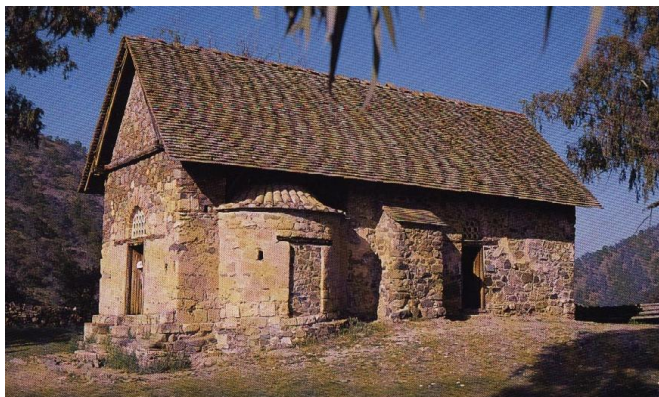

Карта мира (XI в.)

Как у любого другого народа за внешней историей, доступной на-

блюдению современников, оставляющей в архивах документы, а в музеях экспонаты, не всегда зримо вершилась история другая. В ней события не заметные, не всем ведомые, но мистические, судьбоносные. Умница царевна Анна, дочь императора Алексея Комнина, мечтала стать сама когда-нибудь царицей. Поэтому все, что касалось искусства правления, живо ее интересовало. В своем известном историческом труде «Алексиада» она подробно описывает, как нечестивый Рапсоматис, правитель Кипра, ответил ее отцу черной неблагодарностью, поднял мятеж против законного государя. В 1092 году император послал на подавление мятежа своего верного слугу, князя Эммануила Вутомита. Пишет царевна, что храбрый Вутомит преследовал мятежника до горы Ставровуни, где находился древний монастырь, и разбил его войска. Но не только этой удачной операцией прославился Вутомит. Божьим промыслом было определено ему стать действующим лицом удивительной истории. Этот гордый князь сначала обидел святого кипрского старца Исаию. Потом, пройдя через сильнейшую боль наказания, жестокие муки угрызений совести, искренне раскаялся. Князь помог святому отшельнику обрести для своего народа великую икону, написанную апостолом Лукой. К моменту прибытия

на Кипр первого русича, Киккская икона уже шестнадцать лет сияла над кипрской землей. В нашем повествовании мы перенеслись к истоку XII века. И начинается он на Кипре тихой молитвой святого Исаии в троодосских горах, а завершится молитвой о Кипре святого Неофита – затворника. Между тем, в бременном мире кипели страсти. По пути в Святую землю крестоносцы, забыв на некоторое время о Гробе Господнем, попытались, напав на Кипр, ограбить процветающий остров. Еле отбились киприоты под началом храброго генерала Филокалиса от непрошенных гостей. Народ Кипра хотел трудиться на мирной земле своей родины, сеять золотую пшеницу, собирать янтарные гроздья винограда, выделывать тончайшие шелка, выплавлять медь. Вот к таким берегам приплыл наш путешественник в 1106 году. И удивительным совпадением было то, что именно в этом году завершили кипрские мастера строительство прекрасной церкви во имя Богородицы Полей (Асину). Стоит эта красавица и ныне, напоминая о том времени, когда на землю Кипра ступил первый русский человек. И здесь самое время предоставить слово игумену Даниилу. Уверенна, что нашим читателям без перевода будет все понятно, не потомки ли мы русичей.

Слово игумену Даниилу.

«Кипр есть остров велик зело, и множество в нем людей, и обилен есть всем добром. И есть суть в нем епископы 20, митрополия же едина, а святых в нем без числа лежит...И тут есть высоко зело гора, и на горе той святая Елена крест поставила, кипарисен велик на прогнание бесам, и всякому недугу на исцеление. И бывают тут, на месте том великие знамения и чудеса».

В кипрских главах называет игумен Даниил нескольких кипрских святых. Хотя указывает, что Кипр подарил православному миру многих святых, без числа. Все имена игумен Даниил не мог назвать, говорит он о святом Варнаве, которого считают основателем Кипрской православной церкви, о святом Трифилии, который был епископом Левкосийским. Пишет наш паломник об ар-

хиепископе Кипра святом Епифании, святом Зиноне. Очень важным свидетельством является рассказ Даниила о посещении Ставровуни, монастыря святого Креста.

«Тут есть гора высока зело, и на той горе... св. Елена царица воздвигла крест кипарисен, на прогнание бесов, и всякому недугу на исцеление, вложила в онь крест Честный Гвоздь Христов, и бывают на месте том знамения и чудеса многа. Стоит на воздухе сей Крест, ничем не скреплен с землею, токмо Духом Святым держится... И ту недостойный аз поклонился святыне той чудесной, и ведех очима своима грешными благодать Божию, сущу на месте том, и проходих остров той добре».

Этот краткий, однако, исключительно важный текст, содержит самое

раннее описание основания церкви Святого Креста св. Еленой. Чудотворный Крест, о котором пишет игумен Даниил, - это Крест, созданный из креста Благоразумного разбойника с вложенными в него частями Истинного Креста Господня и одним из Священных Гвоздей. Свидетельство игумена Даниила имеет особую значимость еще и потому, что он описывает чудо паря-

щего в воздухе Креста, которое он видел собственными глазами. До самого конца XV века мы встречаем и другие свидетельства об этом чуде. В некоторых источниках приводится название Ставровуни, как «*Монастырь Честного парящего Креста*». Такое особенное название обители сохраняется в некоторых письменных источниках вплоть до XVII века.

О фимиаме.

Из всех красот и чудес кипрской земли поразило нашего странника деревце, которое называли в то вре-

мя тимьян. Эти деревца обильно покрывали склоны кипрских гор, растут они на Кипре и сейчас. Смола

этих растений столь душиста, что используется в богослужениях, называют ее ладаном. И в наши дни в каждом кипрском доме можно увидеть ладанницу, специальный сосуд для воскурений.

И очень часто хозяева кладут кусочки душистой смолы на горячие угольки, тоненькие струйки ароматного дымка наполняют комнаты непередаваемым ароматом. С молитвой обходят весь дом, легкое душистое облачко заполняет дом, и верят люди, что все темные силы покинут жилище, ведь недаром говорится: «Как черт ладана боится». Трепетное отношение к ладану (Игумен Даниил называет его фимиамом) выразилось в поверье, которое записал наш паломник. Киприоты верили, что ладан спадает на деревья летней порой прямо с небес. И, по большому счету, они были правы.

Время пути.

Завершая рассказ о кипрских главах книги игумена Даниила, позвольте поведать нечто любопытное об измерении расстояний и времени. Наш паломник путешествовал без карты и компаса. Он не только сам прекрасно ориентировался, но и старался быть предельно аккуратным, указывая расстояния в пути. Игумен Даниил оставил очень точные данные, так как чувствовал ответственность перед теми паломни-

С Небес нам, грешным, все посылается: хлеб насущный, красота природы, духовная благодать.

К этой – то благодати и стремился наш путешественник, и оставалось ему преодолеть 400 верст до морского порта на земле Палестины, который в XII веке называли Яф (нынешняя Хайфа).

ками, которые пойдут вослед ему. Нашему путнику помогало солнышко. Он различает «летний восток» и «зимний восток», то есть, то есть разное положение солнца над горизонтом в различное время года. Указывает игумен и положение путника, так, например, он пишет: «Надо лиц идти на летний восток», то есть надо идти, повернувшись лицом на восход солнца. Расстояния измерялись русскими людьми в вер-

стах (1 верста равняется 1, 0668 км). Так же использовалась такая мера длины как сажень (2,1336 м). Эти меры длины мы еще не успели забыть. Нам понятны выражения «верстовые столбы», «саженные шаги» и др. А вот еще две необычные для нас меры измерения расстояния и времени. Часто наш паломник, говоря о небольших расстояниях, использует слова «расстояние полета стрелы». Так, указывая высоту Елеонской горы, Даниил пишет: «Если подниматься на Елеонскую гору от Гефсимании, то подъем довольно крут, а расстояние - в три

полета стрелы». Указывая время в пути, наш паломник приводит удивительную меру: время чтения молитвы «Отче наш». Любой русич отлично владел стрельбой из лука. Упоминание же о главной православной молитве говорит о том, что молитва было уже хорошо знакома широкому кругу русских людей. И что во время паломничества люди не предавались суетным мыслям, сосредотачивались в молитве. Вот с молитвой и прибыл наш паломник в Яф, и теперь лишь 30 верст отделяло его от заветного святого града Иерусалима...

Глава вторая

Очарованные странники

Имя игумена Даниила мы вспоминаем с особенной признательностью. Именно этот наш отважный и любознательный предок указал дорогу на Кипр многочисленным русским паломникам, которые устремлялись навстречу Святой земле. А Кипр был вратами в это столь желанное место. Интересно отметить различный подход наших предков к посещению Святых мест Востока и мотивацию других паломников, западных крестоносцев. Если европейцы, давая обет посетить Палестину, надеялись на прощение грехов, то наши соотечественники отправлялись в путь ради обретения благодати, личного покаяния, а вовсе не ради награды. Наградой была уже сама возможность оказаться там, где проходили земные дни Господа и Богородицы, где впервые прозвучало Евангелие. Духовная красота святых мест была усилена чудной природой. Становились наши паломники очарованными странниками и спешили поделиться своими чувствами и воспоминаниями с соотечественниками. Некоторые такие свидетельства сохранились, и мы можем пронаблюдать, как проходило на протяжении веков сближение народов Кипра и России, выросло духовное единение и укреплялось узнавание.

Естественно, в XIII веке поток паломников сократился, русские земли терзали татаро-монгольские захватчики. Но уже в XIV веке Кипр посещает архимандрит Агрэфений, насельник монастыря Богородицы в Смоленске. За десять лет до Куликовской битвы, в 1370 году он путешествует по Кипру. Кажется, он знал о паломничестве игумена Даниила, так как повторяет его маршрут. Можно предположить, что «Хождения» игумена Даниила были своеобразным путеводителем для русских паломников на Кипре. Архимандрит Агрэфений описывает святыни Кипра православного, особенно обращает внимание на монастырь Животворящего Креста на горе Ставровуни и на его главнейшую святыню – Крест благоразумного разбойника. Архимандрит Агрэфений посещает Кипр в эпоху правления там католических королей Лузиньянов. Отметим, что Кипр уже неплохо известен нашим предкам. Так, в русских летописях находим описание похода на Александрию кипрского короля Пьера Лузиньяна, где с большим сочувствием описана его победа над мамлюками в 1365 году. Из истории Кипра мы знаем, что незадолго до приезда на Кипр русского архимандрита (1359 год),

католическими властями при поддержке Римского духовенства была предпринята попытка обратить греческое население острова в католическую веру. Тогда православных епископов и настоятелей монастырей арестовали и принуждали к переходу в католичество. Разразился народный бунт, и король вынужден был отказаться от идеи окатоличивания своих православных подданных.

В XV веке еще один русский паломник прибыл на Кипр. Это был инок Зосима, который был отправлен в 1419 году в город Константинополь для разрешения некоторых церковных вопросов. Инок провел на Кипре полтора месяца и много путешествовал. Он посетил монастырь во имя Киккской Божией Матери, а в городе Морфу молился у мощей св. Маманта. Он с удивлением пишет о том, что в православных храмах играет орган, в этом видим влияние католиков. Видимо, в некоторых второстепенных моментах православные могли делать уступки католическим правителям острова, но за веру свою стояли горой, и ни аресты, ни казни, ни тяжелейшие налоги не поколебали веру народа Кипра.

Во второй половине XVI века на

Кипр прибыл купец Трифон Карабейников. Интересна причина его поездки по святым местам Востока. По распоряжению царя Иоанна IV Грозного он был послан молиться у святынь за умершего (или убитого?) царевича Иоанна, царского сына.

XVII век ознаменовался укреплением отношений между Россией и Кипром. Мы наблюдаем не только поток, пока еще не очень интенсивный, посланцев русской земли, но и встречное движение. Тема «Киприоты в России» необыкновенно интересна. И ее изучают замечательные российские исследовательницы Ольга Белоброва и Светлана Близняк. Отсылаю любознательных читателей к их трудам. Здесь только скажу о том, что с 1623 по 1652 гг. в Москве побывало десять (!) кипрских посольств. В их составе были и представители Кипрской Православной Церкви, которые обращались за финансовой помощью к русскому царю и к Русской Православной Церкви и всегда получали просимое с избытком. Посланцев Кипра всегда встречали с любовью, проявляя горячее сочувствие к братскому православному народу и его церкви, которые изнывали под жесточайшим турецким игом.

Глава третья

Московит, гражданин Киева

*«Того Василия сей покрывает камень,
В душе которого, возжегшись веры пламень,
И луч премудрости снисшед к его уму,
Святые посетить места влил мысль ему.
Он, вдохновениям Божественным внимая,
Чрез двадцать с лишком лет,
Ходил из края в край...».*

*(Из надписи на могильном камне
Василия Григоровича- Барского).*

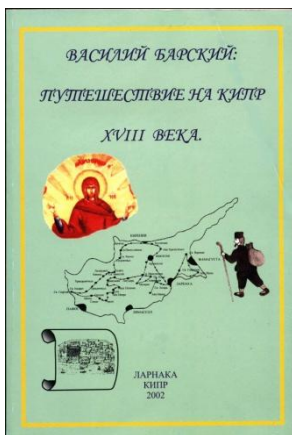
Пешеходец Василий Григорович-Барский.

Мы назвали имена известных нам русских паломников XIV-XVII вв., которые бывали на Кипре и оставили свои свидетельства. В XVIII веке отношения с Кипром уже существуют. Словно промыслительно была подготовлена почва для свершения события яркого и важного для исторических, культурных и духовных связей между народами Кипра и России. Думаю, что историки со мной согласятся, самый глубокий русский след на кипрской земле оставил наш соотечественник – Васи-

лий Григорович-Барский. В XVIII веке он три раза побывал на Кипре и посвятил острову большую часть своей работы «Странствования», в которой рассказывает о своих посещениях Италии, Греции, Палестины. Не секрет, что Кипр посещали многие путешественники. Уникальность труда Григоровича-Барского в том, что он прошел большую часть острова как православный паломник в тот период драматической истории Кипра, когда для христианина такое путешествие было просто опасным. Турецкое иго было в самом разгаре, убийства православных – было делом не редким. Как и любой киприот, наш пешеходец должен был заплатить харадж (немалый денежный налог, который должны были платить православ-

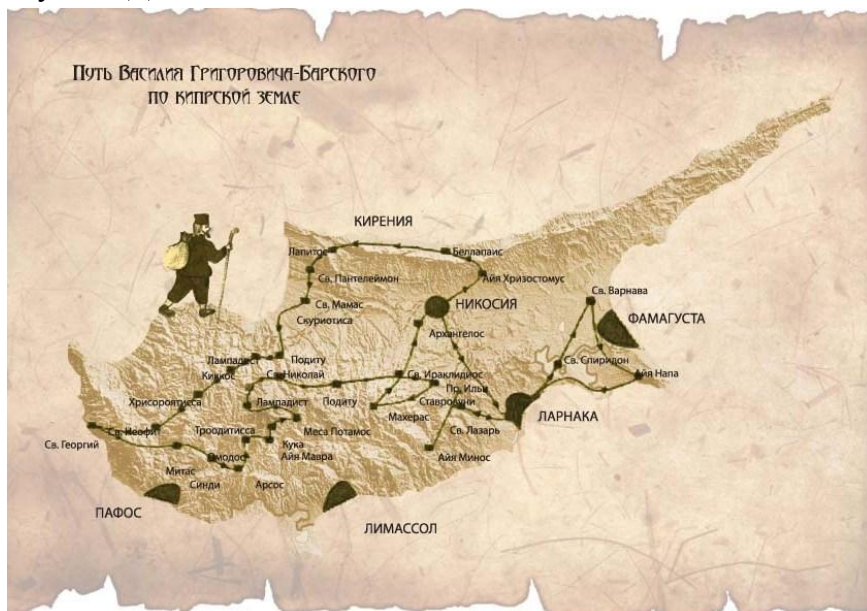
ные), так как пробыл он на острове значительное время. В XVIII веке европейские путешественники, почти не посещают Кипр. А Василий Григорович-Барский не только посетил все его самые значимые святыни, но подробно описал их состояние на период первой половины XVIII века, изучил их историю и отразил ее в своем труде. Но это еще не все. Наш путешественник зарисовал кипрские обители. И его рисунки являются ценнейшим документом. Во время реставрации храмов и монастырей, рисунки Григоровича-Барского являются серьезным подспорьем кипрским специалистам. Авторы имели счастливую возможность в год 300-летия со дня рождения замечательного русского путешественника повторить его путь по кипрской земле. Результатом наших хождений стала книга «Василий Барский: путешествие на Кипр XVIII века».

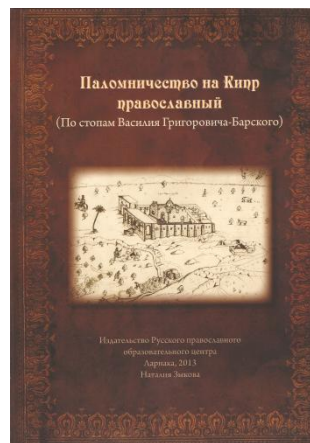
В течение двух лет в каждый свободный день мы отправлялись в путь, проходили по 5-10 километров. А путеводной нитью была книга Григоровича-Барского. Радостно было находить зримые приметы: несколько надписей сделанных Барским на стенах древних монастырей. Очень приятно было слышать добрые слова о нашем соотечественнике от киприотов, некоторые из которых были уверены, что Григорович-Барский причислен к лику святых. Наш соотечественник – пожалуй, единственный из иностранных путешественников, который запал в душу кипрскому народу. Пытались мы ответить на вопрос: в чем секрет того, что и через три столетия крестьяне деревни Фласу, например, помнят о Григоровиче-Барском, с гордостью ведут к храму, который он посещал, и даже рассказывают легенды о его посещении Кипра. И после двух лет путешествия и внимательного прочтения кипрской части книги «Странствования», - ответ пришел: Григорович-Барский полюбил Кипр всем сердцем. Он радовался и изумлялся красоте острова, щедро делился своей радостью с киприотами, которые и сами, после встреч с русским путешественником, смотрели на свою землю другими глазами. И он глубоко страдал, так как видел поруганную православную землю. Он не отделял себя от этих страданий.

Он не был дипломатом, называя варварство и жестокость своими именами. И все свои впечатления по завету игумена Даниила «не ложно»

описал в книге «Странствования». Поэтому след Василия Григоровича-Барского на Кипре сохранился, память о нем жива.

Когда мы начинали работу над книгой, оккупированная северная часть острова была нам не доступна для исследования. Однако в 2004 г. открылись пункты, через которые можно было посетить север Кипра. Значительная часть маршрута Григоровича-Барского проходила там, поэтому мы при первой возможности совершили путешествие по его стопам и по северной части Кипра. И тогда книга вышла вторым изданием уже с описанием святынь севера под названием: «Паломничество на Кипр православный (по стопам Василия Григоровича-Барского)».

Фрагменты из этой книги, мы предоставляем на суд читателей.

Истоки.

В 1701 году в Печерской слободе города Киева, на необъятных просторах Российской империи, в семье небогатого торговца Григория Барского родился сын Василий.

Предки мальчика по отцовской линии были выходцами из нынешней Белоруссии. Тогда это был городок Бар, Могилевского уезда Подольской губернии. Интересно отметить, что название городка появилось только в XVI веке, когда земли уезда отошли к Польше. Тогда-то супруга короля Сигизмунда Бона Сфорца пожелала переименовать город Ров в Бар, так как почитала святителя Николая Мирликийского, и в честь его обители в Италии решила назвать город в новых владениях польских королей. Таким образом, из далекого итальянского города Бари протянулась в славянские земли невидимая духовная нить. Между тем, XVI век был неспокойным, и в 1651 году городок Бар был в ходе военных действий сожжен, его жители спасались бегством. Тогда-то Иван Григорьевич, дед Василия Григоровича-Барского, переселился в Малороссию, так называлась тогда Украина. Один из его сыновей, Григорий Иванович, по смерти отца женился на девушке из Чернигова, и молодая семья решила переехать в Киев. Вот там и родился их сын Василий. О детстве

будущего путешественника и исследователя сохранилось крайне мало сведений. Известно, что отец Василия, был образованным человеком, глубоко верующим. «Книжен в Российском писании и церковном пении»,- вспоминали о Григории Ивановиче современники. Отец Василия придерживался патриархальных домостроевских взглядов. К ученым людям имел он некоторое предубеждение, считая занятия науками чем-то несерьезным. То ли дело торговля, занятие, которое он уважал. Когда Василий подрос, отец склонял его пойти по купеческой стезе. Василий же, по словам брата Ивана, «был любопытен к наукам и художествам, и имел охоту видеть чужие страны». Впоследствии, когда будет окончен земной путь нашего героя, на надгробном камне будут выбиты строки неведомого поэта о том, что однажды Божественное вдохновенье посетило юного Василия, оно зажгло пламя веры, осветило разум лучом истины. Услышав Вышний зов, наш герой отправился в многолетнее путешествие по неведомым странам. Эти поэтические строки передают то, что произошло с нашим героем.

Ветер странствий.

А проза жизни была такова: все стремления Василия к учебе наталкивались на сильное сопротивление

отца. И только уговоры матери убедили строгого родителя благословить сына на поступление в Киевскую духовную академию. Учился Василий с охотой, успешно постигая науки. Однако пришлось обучение прервать, так как юноша сильно заболел. На ноге открылась язва, и он мог передвигаться с большим трудом. В те времена Львов был центром медицины, туда ездили со всей Малороссии и близлежащих приделов, чтобы пользоваться помощью искусных лекарей. В болезни своей Василий увидел Промысел, не только подлечиться он мечтал, но вырваться из-под опеки строгого отца, увидеть новые земли. На то, что отец позволит такую поездку, надежды не было. А вот матушка благословила в путь-дорогу. И вот одним июльским днем 1723 года, когда отец был в отъезде, Василий и его товарищ Иустин Ленецкий отправились во Львов. Ветер странствий подхватил молодых людей. А отец, Григорий Иванович, вскоре вернулся домой и, обнаружив отъезд сына, послал за ним в погоню надежного слугу. Тот, догнав, стал увещевать юношу вернуться. Но покорный доселе Василий был непреклонен, передав через слугу должный сыновний поклон, он не возвратился. С дороги написал родителям: «Извещаю же, что иду во Львов, может, еще и далее пойду». Он покидал с грустью род-

ной Киев. Сколько раз он будет вспоминать его, и всегда будет писать о себе «гражданин Киева». В Киеве Господь сподобит его и принять кончину. Но это будет еще не скоро. А пока львовский доктор исцеляет больную ногу, у молодого путешественника с возвращением здоровья возникает непреодолимое желание постигать неведомое. Во Львове тогда была знаменитая Академия иезуитов. «Вот бы поступить туда и искутить их предания ученых», - размечтался Василий. Но как поступить православным в такое учебное заведение? И вот Иустин и Василий, два молодых искателя приключений, выдают себя за братьев Барских, уроженцев польского города Бар. И ведь смогли поступить, и учиться начали. Но обман вскоре был раскрыт, и юношей с позором изгоняют из иезуитских рядов. Казалось бы, ногу подлечил, приключение пережил, будет о чем друзьям в Киеве рассказать. Пора и домой.

Не тут-то было. Львов стал лишь началом большого пути, длиною без малого в четверть века.

Путеводная нить.

Помните о той духовной нити, которая невидимо связала могилевский городок Бар и обитель святого Николая в итальянском городе Бари? Она стала указателем, который

повел Василия Григоровича-Барского в Италию, и это паломничество стало прологом к многолетним путешествиям. Любопытных читателей я отсылаю к первоисточнику. В 1885 году Императорское православное палестинское общество по подлинной рукописи издало труд Василия Григоровича-Барского, снабдив его следующим заглавием:

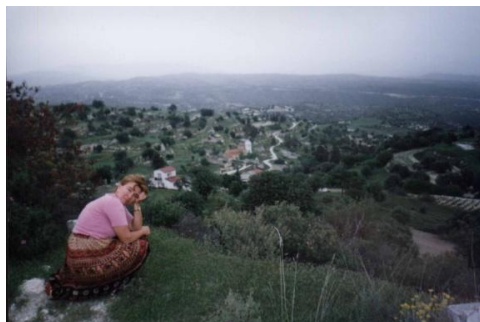
«Странствования Василия Григоровича-Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 г.» Уже в наши дни, к 300-летию со дня рождения путешественника, было издано несколько интересных работ. И все же чтение первоисточника оставляет самое глубокое впечатление. Откройте книгу Григоровича-Барского, и ветер странствий коснется вас. Следуя дорогами русского паломника, вы пройдете по землям, на которых сегодня располагаются Украина, Молдавия, Румыния,

Венгрия, Австрия, Италии, Греция, Турция, Египет, Кипр, Сирия, Израиль. Наш герой по этим пространствам либо шел пешком, либо плыл по бескрайним морским просторам. Такие путешествия в XVIII веке были опасными. Иногда по соображениям безопасности он надевал лохмотья дервиша, иногда представлялся юродивым. Бывал наш герой и избит, и ограблен. Становился он порой жертвой предательства и интриг. Но, наперекор трудностям и препятствиям, он шел по пути, означенном ему Господом. И дорога стала его учителем жизни. Она подарила ему встречи с неизвестной дотоле культурой, историей, природой. Она подарила ему встречи с замечательными людьми, мудрыми старцами, духоносными патриархами, простыми крестьянами. Он постоянно учился. А Господь на этом пути укреплял его. Во время странствий произошло самое главное событие в его жизни: он стал монахом, воином Христовым. Это звание Василий Григорович-Барский пронес достойно до конца своих дней, исполняя все обеты. Василий Григорович-Барский воспринимал свои странствия как миссию. Миссию православного монаха, посланца свободной православной России в землях, народ которых страдал под игом иноверцев. И он страстно хотел донести до своих соотечественников те знания, которые обрел. По-

этому он добросовестно записывал все свои впечатления, зарисовывал храмы и монастыри. Так создавался его труд: ценнейший исторический документ, талантливое литературное произведение. А еще «Странствование» - это духовный портрет русского человека XVIII века, в характере которого были явлены лучшие качества русской души: преданность Матери Православной Церкви, любовь к Отечеству, высокая нравственность. Поэтому и через 320 лет со дня рождения Василия Григоровича-Барского он не забыт, а труд его побуждает к работе души.

По стопам Василия Григоровича-Барского.

Когда мне довелось впервые прочитать строки Григоровича-Барского о Кипре, возникло непреодолимое желание пройти его дорогами, увидеть те места, о которых столь выразительно написал наш соотечественник. На автомобиле весь Кипр можно объехать за день-два. В XVIII веке путешественники передвигались либо на мулах, либо пешком. Но захотелось обойти остров как наш герой, который недаром называл себя «пешеходцем», он, в основном, шел пешком. Вот и мы отправились по стопам Григоровича-Барского пешком.

И стало понятно, что только так мы обретаем верный ритм путешествия. Например, из Лимассола в Никосию путники в описываемые Григоровичем-Барским времена добирались три дня, и Кипр им совсем не казался маленьким. Это была огромная красочная страна, и человек, прошедший даже небольшое пространство, имел возможность увидеть намного больше, чем современный путешественник из окна автомобиля. Начались наши хождения по кипрской земле в 2000 году, и они продолжают, даря радость открытий и встреч с землей острова, которая по праву названа Святой. А еще путешествия дают возможность по достоинству оценить тот огромный вклад в изучение Кипра, который сделал наш соотечественник в далеком XVIII веке, разделить его восхищение красотой Кипра, его чувства сопричастности народу, находящемуся под игмом захватчиков.

О красоте кипрской земли.

Русский паломник восхищается природой Кипра. *«Земля Кипра воистину благословенна!»* - восклицает он. В своих путешествиях Василий узнает, что кипрская земля, плодородная и щедрая, богата золотом и серебром, медью и железом. Множество садов и виноградников украшает ее. Оливковое масло и сыр, вино и мед, ячмень и пшеница производятся в изобилии и экспортируются. Известен Кипр и производством шелка и хлопка.

Григорович-Барский - впечатлительный и тонко чувствующий красоту человек. Сколько поэтичных строк в его описаниях посвящено деревьям Кипра! Он их перечисляет: сосны и платаны, кипарисы и дубы, оливки и хорупы (рожковые деревья). Особенно потрясли его воображение кедры. Однажды недалеко от Киккского монастыря он увидел прекрасную кедровую рощу и не смог даже продолжить свой путь, пораженный красотой кедра. *«Я пошел и провел в тишине целый день, любуясь деревом!»*, - трогательно записал путешественник.

Как приятно после длительного перехода припасть к горному роднику, утолить жажду водой «прозрачной, как хрусталь, холодной как лед, целебной». Однажды, по пути к монастырю св. Николая в Троодосских горах, Барский встретил ис-

точник, который назывался «орлиным», т.к. орлы прилетали сюда напиться. Вода здесь была так чиста, прохладна и вкусна, что Барский сравнил глоток такой воды с мимолетным видением рая.

Но особенно глубокое впечатление произвел на него район Кипра, который носит название «Маратасса». Целую главу посвящает путешественник этой долине. Удивление и восторг ощущаются уже в самом названии главы: *«Маратасса - самая прекраснейшая часть Кипра»*. Остался и у меня в памяти образ этой удивительной долины, разноцветной и поющей. Журчат в долине ручьи, наполняя ее веселым шумом, вторят им звонкие голоса птиц.

Крупные лиловые гроздья винограда соседствуют с апельсиновыми деревьями, чьи ярко-оранжевые плоды блестят как огоньки. Сосны, кипарисы наполняют долину сочной зеленью, а золотистые листья-ладошки платанов приветливо машут вам вслед. И над всем этим великолепием высятся могучие горные вершины. Зимой они покрываются снегом, и стоят, словно старцы, убежденные сединами. Маратасса - вечно звучащий гимн красоте Кипрской земли.

О турецком иге.

Жить бы, работать, радоваться в этом краю. Да видно не судьба. Григорович-Барский путешествует по Кипру в тридцатые годы XVIII в., в самый разгар турецкого ига. Беда в прекрасном крае. Стонет он под жестоким иноземным гнетом. В своем «Кратком описании святого монастыря Киккоса» кипрские исследователи Коккинофтас и Теохаридис пишут: «Темная эпоха турецкого владычества принесла тяжелые испытания греческому народу Кипра. Иноверные завоеватели привезли с собой на остров совершенно чуждую кипрскому народу культуру, равно как и иную веру. Имея своей идеологической базой ислам, Оттоманская империя считала своим правом жесткую эксплуатацию угнетенного народа, который находился в состоянии духовного исто-

щения и под постоянной угрозой физического уничтожения».

А теперь послушайте голос очевидца, человека православного, который сострадает, видя попрание своей веры, который не сторонний наблюдатель, но униженный и оскорбленный христианин на святой кипрской земле. *«Здесь я понял громадную разницу, - пишет Григорович-Барский, - между христианами свободными и порабощенными».* Путешественник пишет, что прекрасная христианская церковь св. Софии в Никосии была превращена в мечеть. И не разрешали турки входить туда христианам. Однако завоеватели не в состоянии были отремонтировать уникальное здание и заставляли это делать киприотов-христиан. В Фамагусте Григорович-Барский записывает: *«Наиболее прекрасной является церковь святой Софии, которая построена с величайшим искусством, и которую турки превратили в мечеть. Кто, увидев раз святую Софию, не восхитится ее красотой и кто не заплачет о ее горькой судьбе?».* В Морфу русский паломник горько замечает: *«Едва ли вы узнаете о нетронутых святынях».* Далее следует взволнованный рассказ о монастыре св. Маманта в Морфу, чья красота наполнила сердца захватчиков злобой и завистью. Они решили превратить его в мечеть. И вот игумен, чтобы спасти монастырь, на

свои средства строит мечеть. Многие святые места опустошены, турки забирают урожай, отбирают здания. Бесчинствуют. Особенно драматично описание сбора хараджа.

С детства и до самой смерти киприоты платили этот тяжелый налог.

«И никто не избежит его», - с горечью пишет Григорович-Барский, - если только не перейдут в мусульманство. Во многих городах, крупных населенных пунктах богатые люди помогали беднякам выплатить ненавистный харадж. Но в селах, опустошенных турками, не было возможности проявить взаимопомощь. Путешественник пишет:

«Слезы льются из моих глаз, как вспомню несчастных бедных людей, которые не могли более вынести бремя хараджа и тяжесть турецкого давления, оставляли в горести свою веру».

О национальном характере киприотов.

Идя по дорогам русского паломника, мы встретились с потомками тех киприотов, среди которых Григорович-Барский прожил на Кипре почти два года. Наш соотечественник общался с местными жителями и много писал о них. Изменился ли народ, его характер за истекшие столетия? Судите сами. Наш герой неоднократно подчеркивает, что на Кипре нет бандитов. Правда, всегда он в скобках отмечает «кроме ту-

рок», но они не в счет, это захватчики. Григорович-Барский часто путешествовал в одиночку, и киприоты, которые встречались на пути, всегда помогали, делились хлебом, приглашали разделить кров. Мирный, гостеприимный, приветливый народ, который умеет любить и трудиться.

Прошли столетия, и вот по следам Барского идем мы в монастырь Ставрос Айязматис. За селом Лагудера горная тропа делится на две, а указателя нет. Куда держать путь? Выбираем наугад. А через полчаса видим едущего на встречу охотника. Он останавливается и спрашивает, нужна ли помощь, подробно объясняет дорогу до монастыря, угощает вкусным домашним хлебом. Прощаясь, мы расходимся. Через некоторое время слышим гул мотора. Наш охотник вернулся, чтобы удостовериться, правильно ли мы идем.

Национальной чертой киприотов русский паломник называет красноречие. И эту черту характера народ пронес через столетия. Как-то мы пришли в монастырь Иоанна Лампадиста. Шум горного ручья напомнил, что здесь в его водах апостолы Павел, Варнава и Марк Евангелист крестили св.Ираклидия, великого подвижника кипрского народа. Древний храм, под крышей которого поместились три церкви, выстланная горным камнем еще в

средневековые мостовая - все очаровывало сказочной красотой. Здесь мы встретились с кипрским священником батюшкой Мильтиадом. Его красивое одухотворенное лицо, умный взгляд лучистых глаз, добрая улыбка располагали к общению. В окружении древних икон текла наша беседа. Отец Мильтиад рассказал о трагичной и прекрасной судьбе св. Иоанна Лампадиста. Рассказ был таким эмоциональным и выразительным, обороты речи так красноречивы, что мы ярко представили юношу-монаха, который глубиной веры обрел благодать и дары исцелять страждущих. И ныне прибегают к нему в молитвах православные и получают исцеления. А потом мы зашли в церковь, любуясь изумительными фресками, и священник показал нам небольшую надпись, которую оставил Григорович-Барский на стене храма.

Книга Барского была у нас с собой, и перечитывали мы ее страницы вместе с отцом Мильтиадом. Прочитав записи Григоровича-Барского о своем родном селе, о красноречии его жителей, священник задумчиво проговорил:

- «А ведь мы не изменились».

И речь шла не только о красноречии. Киприоты не изменились наперекор всему. Ведь испытаний было послано этому народу невыносимо много. Впору бы раствориться в океане времени. Но наперекор жестоким арабским рейдам, попыткам окатоличить, наперекор турецкому игу цвел на Кипре благоуханный цветок Православия. Цвел и был оберегаем маленьким народом прекрасной страны. Поэтому главной чертой этого народа является верность и преданность. И об этом русский паломник писал в своих заметках, путешествуя по кипрской земле.

Посвящение

Василию Григоровичу-Барскому (по материалам Кипрских средств массовой информации).

Православные народы Кипра, России и Украины сохранили благодарную память о смиренном монахе, который полюбил всем сердцем далекий от его Отчизны остров. Для Григоровича-Барского слова о братстве по Вере не были пустым звуком. Он глубоко страдал, видя страдания братского православного народа Кипра. Он сам был вынужден однажды заплатить при помощи кипрских друзей харадж, налог на веру. Он видел, что для турецкого режима православные люди являются стадом, они так и называли их - «райя». Болью пронизаны описания поруганных святынь, но наполнены они и светлой надеждой, что Милость Господа однажды прольется на святую кипрскую землю. До нас дошли 15 рисунков православных святынь Кипра, выполненных Василием Григоровичем-Барским. Это драгоценные документы времени. Чтят память Григоровича-Барского на Украине. Путешественник всегда с гордостью говорил о себе: *«Я – гражданин Киева»*, часто обращался мыслями к покинутой родине. Ощущал себя Василий и неотделимой частью земли Российской, называя себя москвитом. В России в 2003 году по благословию при-

снопамятного Патриарха Московского и всея Руси Алексия торжественно было отмечено 300-летие со дня рождения выдающегося просветителя.

Зримым воплощением нашей благодарной памяти о Василии Григоровиче-Барском стало замечательное событие, которое произошло 19 октября 2013 года в Лимассоле. На храме во имя Богородицы Агия-Напской была торжественно открыта мраморная мемориальная доска, посвященная памяти Василия Григоровича-Барского (1701-1747). В мемориальной акции приняли участие Митрополит Лимассольский Афанасий, мэр города Лимассола Андреас, Посол Украины в республике Кипр Борис Гуменюк, посол России на Кипре Станислав Осадчий, представители православной общественности Кипра, члены украинской и российской диаспор.

Идея увековечить на Кипре память Василия Григоровича-Барского принадлежит Русскому православному образовательному центру (РПОЦ). Это духовно-культурная организация соотечественников на Кипре. Инициативу поддержали посол Украины в Республике Кипр Борис Иванович Гуменюк и его супруга Алла Гуменюк. Директор РПОЦ Зыкова Наталия и его администратор Зыков Валерий, в течение ряда лет изучают жизнь и творчество Василия Григоровича-Барского. Они

прошли весь путь монаха Василия по кипрской земле. Итогом стала книга «Паломничество на Кипр православный» (По стопам Василия Григоровича-Барского). Это второе издание, которое вышло весной текущего года. В рамках РПОЦ наши соотечественники создали Фонд сохранения исторического наследия и проект, посвященный памяти Григоровича-Барского, стал первым делом Фонда.

Проект по установлению мемориальной доски был начат в 2012 году – это за год до акции. Наталия Зыкова подготовила его научно-историческую часть. Была изучена история первого пребывания на Кипре монаха Василия, расположение храма, который путешественник посетил в Лимассоле. Оказалось, что тот храм был во второй половине XVIII века, уже после посещения его Григоровичем-Барским, разобран за ветхостью. На его месте построен храм во имя Богородицы Айя-Напской. Следующим этапом работы над памятной доской стало обращение Посольства Украины в Республике Кипр к Митрополиту Лимассольскому Афанасию и мэру города с предложением разместить ее на стене этого храма. С кипрской стороны был проявлен большой интерес к мемориальной акции, и оказаны содействие и поддержка. Благотворителем проекта стал предприниматель Сергей Пугачев. Па-

мятную доску из белого мрамора изготовили кипрские мастера. Надпись выполнена на четырех языках: греческом, украинском, русском и английском. Она гласит:

«В память о первом посещении Кипра 19/IX/1726 г. выдающимся православным паломником Василием Григоровичем-Барским, москвитом, гражданином Киева».

Интересно отметить, что украшена мемориальная доска изображением, выполненным по мотивам рисунка Григоровича-Барского (авт. В. Зыков).

Торжественным стало начало мемориального мероприятия. Митрополит Лимассольский Афанасий благословил присутствующих.

Затем перед собравшимися выступил посол Украины на Кипре Борис Гуменюк. В своем ярком и содержательном выступлении посол подчеркнул, что образ Григоровича-Барского живет в сердцах потомков,

так как он стал символом духовного единства братских православных народов Украины, России и Кипра.

О важности изучения наследия Григоровича Барского говорил в своем выступлении посол РФ в Республике Кипр Станислав Осадчий.

Он выразил благодарность сотрудникам РПОЦ за их неустанные труды по изучению истории духовных и культурных связей между наро-

дами России и Кипра и просветительскую работу среди русскоязычного сообщества Кипра и гостей острова.

Затем выступил мэр Лимассола Андреас Христу. Он с теплотой вспоминал свои годы учебы на Украине, где студенты - киприоты были окружены любовью и заботой.

Мэр подчеркнул, что одним из заветов Григоровича-Барского является наказ беречь дружбу между братскими народами.

О заветах Григоровича-Барского говорила в своем выступлении историк Наталия Зыкова. Она отметила, что сегодня тема толерантности является весьма популярной в определенных кругах. Однако существуют границы, когда толерантность переходит в неуважение и забвение на-

ших традиционных моральных и нравственных принципов. Василий Григорович-Барский с уважением относился к иным религиям, но варварство всегда называл варварством

и раны Кипрской Православной Церкви ощущал как свои собственные. «Мы не должны забывать Тримифунту и Кутсовендис, если мы хотим исполнить заветы Григоровича-Барского», - подчеркнула оратор.

Затем мемориальная доска была торжественно открыта и прозвучали поэтические строки:

Памяти монаха.

Он был монах, иной, чем все другие.
Господь призвал его пройти пути земные,
Благословил пройти нелегкий путь,
Дорогой постигал он жизни суть.

Он шел к святыням без опаски,
Василий Григорович-Барский,
Он киевлянин, московит,
Паломник он и следопыт.

Под игом агарян народ страдал,
В защиту Кипра слово честное сказал,
И имя Барского в веках звучит:
Василий, киевлянин, московит.

Он Кипр любил славянскою душой,
Задумчивой, и нежной, и простой.
Любил монастыри, с молитвой посещал,
Описывал святыни, рисовал.

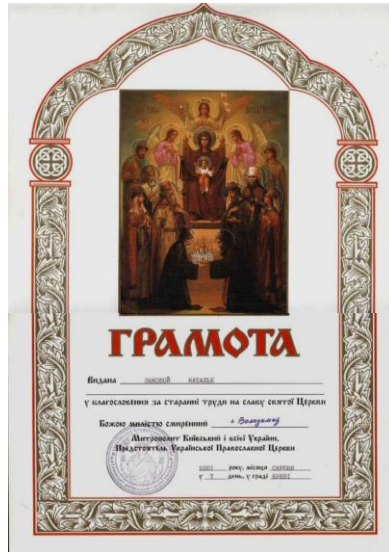
Прошли века, но помнит православный люд
Того монаха смелый, благородный труд!

(Стихотворение Н. Зыковой)

Примечание.

Память о Василии Григоровиче-Барском бережно хранят его земляки киевляне. В 2002 году, когда на Кипре отмечали 300-летие выдающегося просветителя и путешественника, Киев посетил администратор РПОЦ Зыков Валерий. Он привез поклон от жителей православного Кипра. В.Зыков был тепло встречен в Киевской Митрополии.

РПОЦ был награжден грамотой за работу по увековечиванию памяти Василия Григоровича-Барского за подписью Предстоятеля Украинской Православной Церкви Блаженнейшего Владимира Митрополита Киевского и всея Украины.

Викарий Киевской Митрополии Управляющий делами Украинской Православной Церкви Епископ Переяслав-Хмельницкий Митрофан рассказал, что Григорович-Барский в октябре 1747 году был похоронен в Киево-Братском монастыре. К сожалению, в богоборческие годы храм был разрушен, а могила утрачена.

Вместе с сотрудниками Киевской Митрополии Валерий Зыков посетил место, где стоял храм, а ныне воздвигнут поклонный крест. Была отслужена лития и произнесены строки эпитафии, которые некогда были выбиты на могильном камне.

Того Василия здесь покрывает камень,
В душе которого возжегшись веры пламень,
И луч премудрости снизшед к его уму,
Святые посетить места влил мысль ему:

Он, вдохновениям Божественным внимая
Чрез двадцать с лишним лет ходил во край из края
На суше и морях зла много претерпел,
И все то замечал подробно, что ни зрел.

За Свято имуть, что и римляне, и греки,
Чем древни славились и нынешние веки,
Церквей, Монастырей и градов красоту
Удолий глубину, гор знатных высоту,

Ступанием своим и пядию измерил,
И чрез перо свое Отечество уверил
О мало веданых в Подсолнечных вещах
И по бесчисленных окончил жизнь трудах

Оставив грешные составы здесь телесны
А дух его пришел в селение небесны
Читатель, ты его слезами прах почти
И труд путей его с вниманием прочти.

Глава Четвертая

Матушка Варвара

Я никогда не видела ее портрета и даже не знаю, сохранился он. Но, когда думаю о матушке Варваре Катаевой, представляется мне портрет Ильи Репина «Монахиня», который довелось однажды видеть в Третьяковской галерее. Может быть, матушка Варвара была похожа на репинский образ? Не знаю. Не довелось мне читать ее письма, или воспоминания о ней. Наверное, матушка была смиренна и не честолюбива. Знания о ее пребывании на кипрской земле почерпнуты из книги

«Монастырь Ставровуни», которую написали монахи этой великой кипрской обители. Эти мудрые книгочеи и глубокие молитвенники пишут:

«В 1840 году монастырь Святого Креста посетила благочестивая русская монахиня Варвара Катаева. Тронутая гостеприимством братии, видя ветхость строений обители, она провела по возвращении на родину сбор пожертвований на восстановление монастыря. Это была ее собственная инициатива, поддержанная монастырем и Синодом Русской Православной Церкви. Была собрана сумма в пятьдесят тысяч пиастров, которую потратили на реставрацию монастырского подворья св. Варвары». Мы можем предположить с большой долей вероятности, что матушка Варвара, как и другие русские паломники, оставалась на Кипре в ходе своего паломничества в Святую землю. Со времен игумена Даниила монастырь Ставровуни был и остается неизменным местом поклонения. Величайшая святыня - драгоценная Частича Животворящего Креста Господня, аскетизм насельников, строгость монастырского устава, многовековая история обители, и христианская любовь к ближним - все это

снискало уважение не только православных жителей Кипра, но и посланцев всего христианского мира. Матушка Варвара 180 лет назад посетила монастырь, поднявшись на вершину горы Ставровуни, и его подворье св. Варвары, которое расположено у подножья горы. Побывала она и у других святынь православного Кипра. Каким она увидела Кипр? Остров был частью Османской империи, православный народ страдал под тяжелым ярмом турецкого ига. За два десятилетия до посещения русской паломницы острова здесь произошли трагичные события. В июле 1821 года вскоре после восстания в Греции против турецкого господства, глава Кипрской Православной Церкви архиепископ Киприан, митрополиты, целый ряд клириков и мирян (более трехсот человек) были арестованы, обвинены в подготовке мятежа против турок и преданы мученической смерти. Был казнен и митрополит Мелетий, глава Китионской епархии, в управлении которой находился монастырь. После событий 1821 года турки продолжали чинить расправы, резню и многочисленные акты насилия. Монастырь переживал трудные времена, он лишился многих земель, количество братии уменьшилось, были большие финансовые затруднения. За двенадцать лет до прибытия матушки Варвары на Кипр архиепископ всего Кипра и

Новой Юстинианы писал руководителю Греции Ивану Каподистри: «Мы полностью лишены естественных прав чести, собственности и самого человеческого существования». Чуткое сердце русской православной женщины ощутило трагизм ситуации, отозвалось горячим сопереживанием. Между тем, монахи встретили сестру по вере с истинно кипрским гостеприимством и братской любовью. Уверена, личность этой незаурядной женщины произвела на мудрых ставровунитов большое впечатление, но была и еще одна причина особенного внимания к матушке. Она была дочерью России, великой православной державы, которую на Кипре считали покровительницей, помощницей и защитницей. Матушке рассказали о горестях, а более всех слов говорило само за себя бедственное состояние подворья св. Варвары. Наверное, матушка ощутила зов святой великомученицы, своей небесной покровительницы и ответила на этот зов. Матушка и ее неведомые нам спутники, несомненно, горячо молилась у святынь великого монастыря. Ее сочувствие и добрые слова, безусловно, поддержали монахов. Но матушка знала и то, что «как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва» (Иаков 2:26). Именно здесь, в стенах святой обители пришло монахине Варваре Катаевой решение оказать действен-

ную помощь монастырю Ставровуни. Замысел собрать пожертвование для кипрской обители нашел отклик и в Священном Синоде Русской Православной Церкви. Не ведомо мне, как долго продолжались сборы пожертвований, кто были те благочестивые русские люди, которые отправили свои сбережения на далекий Кипр. В кипрских селениях нам доводилось слышать предания, что свои пожертвования передали даже члены Российской императорской фамилии. Так это было или нет, но монахи Ставровуни получили пятьдесят тысяч пиастров из далекой России (1 турецкий пиастр был равен 4,65 г. серебра). Сумма огромная.

Средства были переданы Кипрской Православной Церкви через посольство России в Константинополе. Кроме денег, монастырю и его подворью (во имя святой Варвары) были переданы: священнические облачения, драгоценный потир и церковная утварь. Благодаря прислан-

ным средствам обитель была восстановлена и расширена. Живым свидетельством трудов матушки Варвары стоит красавец-монастырь, процветает и подворье монастыря во имя святой Варвары. Мудрые монахи монастыря, ставровуниты, бережно хранят память о россиянке, молятся о ней. Автор надеется, что и наши соотечественники сохраняют в душе это имя, которое прославило русских паломников. Помнится, автор перевела на русский язык книгу об истории великого монастыря, созданную его насельниками. Перевод принесла монахам как дар, от всего сердца. Монахи поблагодарили, а игумен монастыря, приснопамятный архимандрит Афанасий, сказал: «А к нам еще один раз русская женщина приходила, матушка Варвара, она нам много тогда помогла». И так отраднo было слышать доброе слово о соотечественнице, и хотелось быть достойной такого сравнения.

Глава пятая

Под Андреевским стягом

(по страницам книги Наталии Зыковой «На службе России»)

Часть первая

Российский консул

Размышления перед подъемом Андреевского стяга.

Это происходило на острове Кипре в городе Ларнака 30 июля 1785 года на морском берегу. Кипрский зной наполнял побережье. Солнце сияло в ослепительно-синем кипрском небе. На рейде стояли корабли, море отливало золотом, отражая солнечные лучи. Отсюда была хорошо видна древняя церковь святого Лазаря. По пыльной дороге, ведущей к морскому порту от Соленого озера, медленно приближался караван верблюдов с тюками соли, в глубине города слышались призывные крики продавцов. Недалеко от городской крепости, резиденции кадия (турецкого правителя города), собралась группа людей. Судя по европейскому платью, многие из них были иностранцы - представители консульств европейских стран: Англии, Франции, Швеции, Пруссии и др. Отдельной группой стояли представители турецкой администрации города. Здесь же сновали вездесущие мальчишки и толпились местные жители-греки. На их лицах была

нескрываемая радость, в то время как лица турок были хмуры, речи отрывисты и гневны. «Что эти русские позволяют», - размышлял кадий, разделяя гнев своих соплеменников, ожидая события, которое его вовсе не радовало. Дело в том, что в Ларнаку прибыл Консул Российской империи. Особенно было обидно кадию, что этим консулом оказался не русский, а грек. Греков кадий привык считать своими рабами. А русских он ненавидел, но уважал, так как все же они были достойными противниками. Не хотелось даже и вспоминать. Но ведь несколько лет назад эти русские почти сожгли турецкий флот. Но делать нечего. Этот грек, какой-то капитан Иоаннис Ацали, приехал в Ларнаку не с пустыми руками. Он привез из Константинополя фирман (Указ светлейшего султана) и берат (специальную грамоту). И сам кадий, скрепя сердце, выписал греку ордер - письменное распоряжение, которое позволяло Ацали поднять над своим жилищем российский флаг. Для этого ненавистного кадию фла-

Ларнака XVIII в (рис. Василия-Григоровича Барского)

га греки уже укрепили флагшток около дома, в котором поселился Иоаннис Ацали (в российских источниках его называют Иваном). Неподалеку стояли представители Кипрской Православной Церкви. Это были митрополит Китионский и священники храма святого Лазаря. На их лицах радостное возбуждение, то и дело было слышно: «Δόξα τῷ θεῷ» (слава Богу)! Они говорили меж собой о том, что у великой русской царицы Екатерины родился внук, и она назвала его Константином, учит его гречанка-няня греческому языку. И как знать, не станет ли Великий князь в дальнейшем императором Византийским. «Россия получила и веру, и культуру из греческих рук – от Византии, так что все возможно», - размышлял митрополит.

Было и еще одно лицо, которого предстоящее событие никак не радовало, это был английский консул. Он в глубине души считал мечтания российской императрицы о воссоздании Византийской державы под рукой русских царей химерой. Он негодовал, что в 1771 году 18 греческих островов чуть было, не приняли российское подданство. «Конечно, Екатерина умна, ведь как искусно договорилась с Австрией, которой пообещала в случае полной победы над турками чуть ли не половину Балкан. И австрийский император Иосиф II, явившись к Екатерине взглянуть на её новое владение - отвоёванный у турок Крым, символично проехал под украшавшей въезд в Херсон аркой «Путь в Константинополь». «До Константинополя им еще далеко. И найдутся си-

лы, которые остановят честолюбие русской царицы.

Надо формировать коалицию из Швеции, Великобритании, Пруссии, Польши. Надо подтолкнуть Турцию к ревизии мирного договора и положить конец этим химерам. На морях может быть только одна владычица – «Правь, Британия, морями» – так думал англичанин.

Иван Ацали: истоки.

Когда консул России Иван Ацали появился у флагштока, все собравшиеся почтительно приветствовали его. Капитан Ацали был взволнован важностью момента, и в его памяти все детали этого памятного июльского дня 1785 года запечатлелись на всю жизнь. Он развернул полотнище Андреевского флага, закрепил и стал поднимать, исполнившись торжественности момента. Наконец

в синем кипрском небе воспарил флаг великой Российской державы.

И тут горячий ветер прилетел с моря, заставив флаг затрепетать, раскрыться, словно большая птица расправила крылья. Нельзя было не залюбоваться полетом Андреевского стяга над синим морским простором. Капитан Ацали понимал, что эта минута в его судьбе наиглавнейшая...

Вообще судьба этого человека, вошедшего в историю как первый российский дипломат на Кипре, была бурной. Даже то небольшое, что нам известно о нем, поражает многообразием событий, опасностей, приключений, ярких встреч. Он часто писал свои донесения на французском, но французом не был, он никогда не называл себя Жаном, только Джованни. Однако сам о себе писал, что «он из дворян греческих». Земля Тосканы (область Италии на северо-западе Апеннинского полуострова) стала его отечеством, родина его предков была утеряна после падения Константинополя.

В биографии Ацали часто появляется город Ливорно, крупный морской порт Тосканы. Сюда после падения Константинополя в 1453 году хлынуло множество греков-беженцев. Православные выходцы из Греции, попавшей под власть Османской империи, жили за счёт торговли, превратив Ливорно в крупный коммерческий центр Средиземноморья. Возможно, среди этих беженцев были и предки нашего героя. Талантливые мореходы, предприимчивые торговцы, - греки играли в Ливорно важнейшую роль. В конце XVIII века во время русско-турецких войн у берегов Великого Герцогства Тосканского (так именовалось маленькое государство на Апеннингах) появился русский флот. Представителей православной державы греки Ливорно встретили тепло, с энтузиазмом, как своих единомыслителей.

Граф Орлов и Иван Ацали: судьбоносная встреча.

Флотом командовал граф Алексей Григорьевич Орлов (1737-1807гг), российский политический и военный деятель, один из трех братьев, сподвижников Екатерины Великой. Он родился в 1737 году в селе Люблине Бежецкого уезда Тверской губернии в дворянской семье. В 1749 году Орлов стал солдатом лейб-гвардии Преображенского полка, девятнадцатилетним юношей участвовал в Семилетней войне (1756-

1763 гг.) с Пруссией. Отличался физической силой, смелостью и предприимчивостью. Эти качества сыграли свою роль в дворцовом перевороте 1762 года. Именно Орлов доставил Екатерину II из Петергофа

в Петербург, расправился с «голштинским воинством» Петра III и охранял в Ропше отрёкшегося от престола императора. За участие в перевороте он был произведён в секунд-майоры Преображенского полка и получил графский титул. В течение первых 12 лет царствования Екатерины II Орлов был одним из ближайших участников всех дел и проектов императрицы. Зенита своей славы он достиг во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. Впервые мысль послать эскадру к берегам Эгейского моря, чтобы поддерживать проживавших там под турецким игом православные народы против турок, высказал Григорий Орлов, фаворит императрицы, в

1768 году. Это был ответ на многочисленные обращения покоренных турками народов, которые видели в России свою избавительницу. Будет интересно заметить, что, например, на Кипре в монастыре Богородицы Махериотиссы монахи за литургией молились о здравии русской императрицы (это автору поведали монахи знаменитой обители). Однако многие исследователи считают, что идею экспедиции предложил ее будущий руководитель, брат Григория Алексей Орлов. Побывав за границей, он убедился, что греки и славянские народы, страдая под жестоким турецким игом, мечтают об освобождении и готовы подняться на борьбу. Он писал брату о задачах подобной экспедиции и войны в целом: «Если уж ехать, то ехать до Константинополя и освободить всех православных и благочестивых от ига тяжкого. И скажу так, как в грамоте государь Петр I сказал: «А их неверных магометан согнать в степи песчаные на прежние их жилища. А тут опять заведётся благочестие, и скажем слава Богу нашему и всемогущему» (орфография и стилистика сохранена).

На Совете при императрице было сформулировано предложение так: «Послать, в виде вояжа, в Средиземное море несколько судов и от туда сделать диверсию неприятелю». В Ливорно была основана военно-морская база российского фло-

та. И это основание имело свою предысторию. Впервые русский корабль вошел в тосканский порт Ливорно еще в 1717 году. Это был российский линейный корабль «Армонт». Спустя многие годы среди жителей тосканской столицы еще жива была память о дивном явлении «Армонта», о тех товарах, которые были привезены из далекой России. Корабль привез икру и семгу, сало и воск. Но самое главное – моряки на том корабле были православными, и это сразу вызвало симпатию греческого населения Ливорно, а оно было весьма значительным. Видимо, прием, оказанный ливорнцами, пришелся по душе русским морякам, и в дальнейшем русские корабли стали заходить в Ливорно чаще и чаще. И вот российская база появилась на далеком от России бреге. А Иван Ацали вскоре, в 1770 году вступил на русскую службу. Был он к тому времени далеко не молодым человеком, ему уже исполнилось сорок лет

Об исторической справедливости. Между тем, к середине XVIII века, в особенности после Семилетней войны, Россия усилила свои политические позиции. Это вызвало сильное противодействие со стороны ряда западноевропейских государств. Господствующие классы Англии, Франции, Австрии, видя в царской России соперника в осуществлении

своих захватнических планов, стремились остановить дальнейшие успехи русской внешней политики.

В тот исторический период интересы экономического развития России настоятельно требовали выхода к Черному морю. Ведь когда-то наши предки на ладьях ходили в Константинополь, для русичей такие походы вовсе не были чем-то исключительным. Само Черное море в древности даже называли Русским.

Не меньшее значение Черное море имело для обороны русского государства, так как турки и крымские татары совершали набеги на русскую территорию с захваченного ими Северного Причерноморья. Было крайне необходимо вернуть Азов, утерянный после неудачного Прутского похода 1711 года, дать отпор набегам крымского хана, которые несли разорение южным губерниям, порабощение жителям этих районов. Русский путешественник и исследователь Василий Григорович-Барский еще в тридцатые годы XVIII века встречал на греческих островах русских рабов (как бы дико это не звучало), которые были проданы туда крымчаками после их набегов на южные губернии России. Будучи под защитой своего покровителя, турецкого султана, крымчаки вели себя нагло и даже требовали от русских дани. На повестке дня внешней политики России вставала задача борьбы с

Турцией и Крымским ханством. Таким образом, для возобновления исторических связей с средиземноморскими государствами и Ближним Востоком, для обеспечения безопасности южных границ необходимо было очистить от турок северное побережье Черного моря. Это было одной из целей внешней политики России.

Турция же, поддерживаемая английским, французским и австрийским правительствами, стремилась не допустить Россию к Черному морю. Министр иностранных дел Турции заявлял: «Султан смотрит на Черное море, как на дом свой внутренний, куда нельзя пускать чужеземца: скорее султан начнет войну, чем допустит ходить русским кораблям по Черному морю».

Поводом к ней послужил незначительный пограничный инцидент около местечка Балты. Турецкое правительство, несмотря на предложение Екатерины II уладить конфликт мирным путем, не хотело идти ни на какие переговоры. Под непосредственным воздействием австрийского и французского правительств, турецкий султан Мустафа III 14 октября 1768 года объявил войну России. Фактически военные действия начались весной 1769 года. Крымский хан Керим Гирей с 60-тысячной конницей вторгся на Украину, а основные силы турок направились к Днестру, имея целью

форсировать его и двинуться на Киев и Смоленск. Кроме того, турки предполагали высадить часть своих сил на побережье Азовского моря и вести наступление на Астрахань. Но эти планы противника были опрокинуты блестящими действиями русских войск под командованием фельдмаршала Петра Румянцева. В 1769-1770 гг. в сражениях при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле лучшие турецкие войска были наголову разбиты. Русские взяли крепость Хотин, Яссы, Бухарест и вышли к Дунаю. На побережье Азовского моря русские войска в начале 1769 года овладели Азовом и Таганрогом.

Архипелагская экспедиция: цели и начало.

Для развертывания боевых действий против Турции со стороны Средиземного моря русское правительство решило послать часть Балтийского флота в Архипелаг (район Эгейского моря, где расположены острова Лесбос, Лемнос, Хиос и др). Эта экспедиция, получившая название «Архипелагской», имела целью блокировать пролив Дарданеллы со стороны Эгейского моря, чтобы прервать морскую торговлю Турции. Одной из важнейших целей всей войны в целом, и Архипелагской экспедиции в частности, было намерение помочь народам Балканского полуострова, страдавшим под тяжким турецким игом. Речь шла о

справедливости. Сколько бы ни говорили о политических интересах, достижении экономических выгод, для русского человека не эти факторы определяющие. Если русские знают, что действуют во имя справедливости, они готовы на жертвы. Голая выгода никогда не вдохновляет русское сердце. Такова загадочная, порой и для нас самих, русская душа. Исполнение проекта должно было привести к образованию нового театра войны, оттягиванию турецких сил от южнорусских рубежей, что способствовало бы успешным боевым действиям главных сил русской армии под командованием Румянцева. В общем, планов вырисовывалось громадье. Одним из участников этой морской эпопеи был и наш герой, капитан Иван Ацали, будущий российский консул на Кипре. Поэтому мы остановимся на этом важном эпизоде истории Российской, а еще и потому, что, увы, мало знаем о нем.

Указом императрицы Алексей Орлов назначался руководителем экспедиции. В то время он проживал в Италии, где поправлялся после продолжительной болезни. Остались воспоминания, что, находясь в Ливорно и Венеции, Алексей каждое воскресенье посещал литургию в православных храмах, а после службы всегда был окружен православными греками, которым щедро раздавал вспомоществование. Ко-

нечно, этот дальновидный и умный человек прощупывал настроение греков и убедился в их решимости подняться на борьбу с турками. Кроме того, он завязывал полезные связи, проводил конфиденциальные встречи. Императрица придавала экспедиции в Средиземном море большое значение. Показателем этого является общая численность русских сил, направленных туда за годы войны. Всего было отправлено 5 эскадр - 20 линейных кораблей, 6 фрегатов, 1 бомбардирский корабль, 26 вспомогательных судов, свыше 8 тысяч человек десанта. Личный состав всей экспедиции составлял свыше 17 тысяч человек.

Граф Орлов в те дни трудился не покладая рук. Деловые помощники ему были очень нужны. Иван Ацали стал именно таким сподвижником графа.

Несомненно, Орлову пришлось по душе хозяйственность, порядочность и честность Ацали, иначе не доверил бы граф своему знакомцу столь важную комиссию (поручение) - снабжение провиантом русских моряков. Также Ацали было поручено заняться устройством в Ливорно Школы мальчиков, где начинают занятия греческие подростки, чтобы потом продолжить образование в Санкт-Петербурге. Орлов берет Ацали в военный поход, направляясь к островам Эгейского моря. Впереди их ждали сражения и

овеянный славой легендарный Чесменский бой.

Хиосское сражение и Чесменский бой.

Итак, русские корабли совершали небывалый морской поход. Путь российских моряков лежал через Данию, Англию, Гибралтар, Ливорно. Целью был греческий полуостров Пелопоннес, который тогда называли Морее. Переход в Средиземное море был трудным. Русский военный флот не имел опыта плавания на далёкие расстояния, на кораблях в результате штормов возникали значительные поломки. Фарватер был не изучен, поэтому часто корабли садились на мель. Случались пробоины при столкновении с рифами. Наконец, русские моряки, не привычные к столь дальним переходам, начали болеть. И все же в феврале 1770 года основная часть эскадры прибыла к берегам Греции, к Морее. Здесь у России были союзники в борьбе с турками - майониты. Так назывались жители района Майны (гористая возвышенность на полуострове). Они отличались особым свободолюбием и писали еще в 1765 году российской императрице, что готовы выставить в случае прихода русских пятьдесят тысяч своих бойцов. Русские воины и местные жители отважно вступили в бой с турками. Турецкие гарнизоны сопротивлялись, но затем бе-

жали при появлении объединенного отряда русского десанта и местных арнаутов (греческих военных, которые включились в антитурецкую борьбу). Русскими моряками была взята крепость Наварин. В это время из Ливорно прибыл командующий экспедицией граф Орлов. После ряда сражений он решает перенести боевые действия в Эгейское море. Именно здесь в июне 1771 года произошло знаменитое Хиосское сражение.

Отсылаю моих читателей к прекрасной, полной трагизма картине Айвазовского «Хиосский бой», на которой изображен кульминационный момент боя - столкновение русского корабля «Святой Евстафий» и флагманского турецкого корабля «Реал-Мустафа».

Что мы увидели бы и услышали, если бы были участниками сражения? Грохот взрывов, горящие корабли и

музыку. Ибо, заглушая взрывы, музыканты эскадры исполняли русские военные марши, ведь адмирал Спиридов, который был на корабле и руководил боевыми действиями лично, приказал музыкантам «играть до последнего». Наш корабль сблизился с турецким, русские матросы стали забрасывать неприятеля брандскугелями (зажигательными снарядами). На «Реал-Мустафе» возник пожар. Два корабля столкнулись. Русские офицеры и матросы по снастям и реям перебежали на неприятельский корабль и вступили в отчаянный абордажный бой.

Схватка закончилась в пользу русских, турки прыгали за борт и пытались спастись вплавь. Между тем, пламя перекинулось на «Святой Евстафий», и корабль взорвался.

В этом бою погибло более шестисот русских моряков. Адмирал покинул корабль за несколько минут до

взрыва. Это сражение стало генеральной репетицией Чесменского боя, день которого вошел в военноморскую летопись России как День воинской славы. После взрыва своего флагмана турецкие корабли покинули поле боя и укрылись в Чесменской бухте. Командиры русского флота ночью провели военный совет. Было решено атаковать вражеский флот в Чесменском заливе и сжечь его. Под прикрытием сильного огня с кораблей, в залив были запущены брандеры (судна, нагруженные горючим взрывчатым веществом, употребляемые для поджога судов врага). Брандер, под командованием лейтенанта Дмитрия Ильина, вплотную сошелся с турецким линейным кораблем и поджег его. От взрыва подожженного корабля загорелись другие турецкие корабли. Турецкий флот был полностью уничтожен. Сгорело 15 линейных кораблей, 6 фрегатов и 40 мелких судов. Погибло 11 тысяч турок. Победа в Чесменском сражении способствовала успешному ведению боевых действий на основном театре войны и положила начало постоянному военно-морскому присутствию русского флота на Средиземном море.

Здесь мы должны вернуться к нашему герою, будущему Консулу российскому на Кипре. В довольно трудную пору своей жизни (о чем мы еще будем возможность сооб-

щить читателям) Иван Ацали прибудет в Москву, где обратится к графу Орлову-Чесменскому с просьбой походатайствовать о нем перед императрицей. Граф похлопочет о своем ливорнском знакомце и боевом товарище. Он напишет так называемый Аттестат (своего рода характеристику), в котором, между прочим, будут такие строки: **«Иван Ацали участвовал в Чесменском сражении, находился при сожжении и истреблении всего неприятельского флота, где и показывал усердие к службе Ея Императорского Величества»**. Сама же Екатерина II высоко оценила операцию в Эгейском море. Она писала в декабре 1772 года в своем рескрипте Орлову: «Флот наш разделяет неприятельские силы и знатно уменьшает их главную армию. Порта, так сказать, принуждена, не зная куда намерение наше клонится, усыпать военными людьми все свои приморские места, как в Азии, так и в Европе находящиеся, теряет все выгоды от Архипелага и от своей торговли прежде получаемые, принуждена остальные свои морские силы разделить между Дарданеллами и Черным морем и, следовательно, препятствие причиняется ей действовать как на Черном море, так и на самых Крымских берегах с надежностью, не упоминая и о том, что многие турецкие города, да и сам Царьград не без трепета видит флот

наш в таком близком от них расстоянии».

Русские обстреливали морские крепости турок, захватывали турецкие склады провианта, обнаруживали и уничтожали корабли турок. Наши моряки поддерживали восстания покоренных народов в районе Средиземного моря. Русские высаживали десанты на греческие острова и при их поддержке греки изгоняли турок. 18 греческих островов приняли тогда подданство России. В то время между Кипром и берегом Малой Азии постоянно курсировали военные корабли Российского флота.

Обычно с появлением русских военных кораблей, местные жители, страдавшие под турецким игом,

бесстрашно поднимали восстания. О каком-либо национально-освободительном движении на Кипре в то время нам пока неизвестно (это во все не значит, что его не было).

А вот правитель северо-западной Палестины бедуинский шейх Захир аль-Умар аз-Зейдани, выразил желание перейти под покровительство России. Его поддержал египетский правитель Али-бей аль Кабир (кстати, он был сыном православного священника). При поддержке египтян шейх Захир поднял восстание против турок. К палестинским берегам подошел русский флот: четыре фрегата, другие более мелкие суда. 19 июля 1773 года началась бомбардировка Бейрута.

Операцией командовали офицеры Михаил Кожухов и Марко Войнович (черногорский корсар, перешедший со своими людьми в российское подданство, будущий российский адмирал, командующий Черноморским флотом).

Блестящие победы в это время одерживались русскими войсками и на суше.

Армия Петра Румянцева в целой серии сражений наголову разгромила турецко-крымские войска, намного превосходившие ее по численности. Благодаря успешным операциям Архипелагской экспедиции, были блокированы Дарданеллы, удалось занять Крым. Блестящие победы Александра Суворова у Туртукая и Козлуджи сделали воз-

можным наше продвижение на юг, за Балканы. И вот тут турецкий султан запросил мира. В 1774 году был заключен Кючук - Кайнарджийский мирный договор, ознаменовавший завершение войны (1768-1774гг.). Согласно условиям мирного договора, Россия возвращала Османской империи все острова Эгейского Архипелага, которые перешли в ее подданство, и должна была эвакуировать свой флот из Эгейского моря. Но статьи договора признавали Крым и сопредельные татарские области независимыми. России отошли земли между Днепром и Бугом, Азов, устье Дона, Керчь и некоторые другие районы. Россия получала право строить флот на Черном море, русские торговые суда - беспрепятственно плавать по Черному морю и проходить через Черноморские проливы. Османская империя должна была выплатить российской стороне значительные контрибуции. Турция, за спиной которой стояли европейские державы, особенно была недовольна потерей контроля над Крымом. Турция всячески старалась уклониться от точного исполнения договора – не платила контрибуции, не пропускала русские корабли в Черное море, проводила антирусскую агитацию в Крыму, стараясь умножить там число своих приверженцев. В ответ на такие действия, которые прямо нарушали мирный договор, русское правительство в

1783 году включило Крым в состав России. И сразу в Крыму началось строительство крепостей, в том числе Севастополя – базы русского Черноморского флота. Это, безусловно, историческое событие имело огромное значение для всей Российской истории. Такое достижение стало возможным во многом и благодаря героическому походу Архипелагской экспедиции.

Наше Отечество выступило защитницей православного народа целого региона. Россия получила право построить церковь в Константинополе и делать представления в пользу этой церкви и ее служителей. Правительство Османской империи обязывалось предоставить «твердую защиту христианскому закону и церквям оного». Российская сторона получала право иметь при дворе султана посланника «и консулов с переводчиками для охраны интересов русских купцов в разных городах Османской империи».

Эта статья договора имеет для нас особенное значение, потому что вскоре именно благодаря этой статье Кючук-Кайнарджийского договора на Кипре откроется консульство Российской империи. Несмотря на то, что уже через три года в 1787 году началась новая русско-турецкая война, договор стал большим успехом России. Он долгие годы служил русской дипломатии главным орудием воздействия на Ос-

манскую империю. Пункт о независимости Крыма облегчил в 1783 году присоединение его к России. Раздел о Православной Церкви, несмотря на нечеткость формулировок, давал России основание для защиты христиан, проживающих на землях Османской империи.

Однажды в разговоре с автором этого материала, митрополит Китионский Хризостом сказал: «Мы всегда рассматривали Россию как свою защитницу, а Русскую Православную Церковь как свою помощницу». И это подлинно так, будем и мы помнить, что благородная миссия – помогать и защищать - в Средиземноморье берет начало в далеком 1774 году.

Указ императрицы

Согласно Кючук-Кайнарджийскому договору, русский флот должен был в течение трех месяцев покинуть Эгейское море. Корабли требовали ремонта. Часть эскадры была перемещена в Ливорно. Туда же прибыл и Алексей Орлов, которому присвоено теперь почетное имя – «Орлов-Чесменский».

В дальнейшем граф Орлов возвратился в Россию и вышел в отставку. А наш герой, Иван Ацали, по неизвестным причинам, остается в Ливорно. Однако уже в 1778 году он приезжает в Россию, причем, не в Санкт-Петербург, а в Москву. Это,

скорее всего, объясняется тем, что покровитель Ацали, граф Орлов-Чесменский, уже в отставке и поселился в своем подмосковном имении. Звезда Орловых клонилась к закату. У императрицы появился новый фаворит – Потемкин. Орловы отошли в тень.

Но граф Алексей Орлов поддерживает своего боевого товарища. Он пишет «Аттестат» (своего рода характеристику), в которой дает весьма благожелательный отзыв о службе Ацали Российскому государству. Наш герой восстанавливается на службе и продолжает ее в чине капитана. А через шесть лет этой службы Екатерина II подписывает Указ, который в новейшее время на Кипре публикуется впервые.

Имеем честь представить нашим читателям фрагмент из этого важнейшего для российско-кипрских отношений документа (сохранена орфография первоисточника):

«Божией Милостью Мы Екатерина Вторая, императрица и самодержица всероссийская и прочая, и прочая, и прочая объявляем всем и каждому, кому о том ведать надлежит, о настоящей соседственной и доброй дружбе между НАШЕЙ Империей и блистательной Оттоманской Портой. На основании существующих с ней трактатов мирного 1774 и торгового 1783 годов признали мы за нужно и полезно учредить НАШЕГО консула на острове Кипре владения вышеупомянутой блистательной Порты, дабы торговля НАШИХ подданных во владениях ея ко взаимной для обеих империи пользе возрастала. Подданные НАШИ, пребывая туда для дел и промыслов своих, находили бы подпору и вспоможение, каковы им нужны быть могут. К чему избрав службы нашей капитана Ивана Ацали и определяя сим НАШИМ императорским патентом даем ему указ НАШ, учреждаем и постанавляем его Российским консулом на Кипре».

Донесения капитана Ацали.

Этот Указ Иван Ацали представил турецким властям, прибыв на Кипр. А сейчас, этим солнечным июльским днем, стоя под развивающимся на ветру Андреевским стягом, он, российский офицер и дипломат, не только вспомнил о былом, но и отважно вглядывался в будущее своей миссии на Кипре.

Как проходило консульское служение Иоанна Ацали? К сожалению, сохранилось только три донесения Ивана Ацали в Санкт-Петербург в Государственную коллегияю иностранных дел (ГКИД). Впервые мы знакомим российского читателя с их содержанием.

В донесении от 30 июля 1785 года российский консул пишет о своей

аккредитации и о том, как почтительно его встретили представители других держав. Представив турецким властям острова свои фирман и берет, Ацали получил специальные документы, ордера, подтверждающие его полномочия. По получении ордеров наш герой торжественно поднял над своим жилищем Андреевский флаг и приступил к служению. В этом донесении он приводит также сведения о положении в городах Кипра, его монастырях и особенное внимание уделяет порту г. Ларнаки, на рейде которого находилось тогда по 15-20 судов.

Второе донесение было отправлено 8 декабря 1785 года. В нем приводится план дома, в котором размещалось российское консульство в

Ларнаке. Причем, этот план «был начертан штатным драгоманом (переводчиком) консульства» неким Н. Афанасьевым. Судя по фамилии, этот драгоман был русским сотрудником консульства.

В документе АВПРИ говорится: «Упоминается, что дом располагался в одном округе с резиденциями консульских представителей других держав и, видимо, на почтительном расстоянии от порта Ларнаки и связанных с ним заведений. Очевидно, где-то рядом с российским консульством находилась мечеть – единственный, не относящийся к консульскому дому объект, нанесенный на план».

Здесь хотелось бы допустить небольшой комментарий. В мэрии Ларнаки нам пояснили, что в памяти жителей города сохранилась информация о месте, где российское консульство находилось. Это недалеко от нынешней набережной Финикудес, место нам показали. А мечеть действительно стоит недалеко. Это «великая мечеть Аль Кебир», которая на самом деле была католическим храмом св. Екатерины, но отобраена у христиан и перестроена под мечеть сразу по прибытии турецкой армии на остров (1572 год). Наконец, третье из сохранившихся донесений Ивана Ацали, пришло в Санкт-Петербург не с Кипра, а из Триеста (морского порта на северо-востоке Италии, бывшем во времена

Ацали под властью Австрийской империи). Написано донесение было 10 марта 1788 года. Что же случилось с нашим героем, и почему он покинул свой пост?

Война.

Причиной стала новая русско-турецкая война. Как уже упоминалось, в 1783 году в ответ на многочисленные нарушения Турцией Кючук-Кайнарджийского договора, Россия включила в состав своей империи все земли Крымского ханства. Императрица в сопровождении императора Австрии, совершила путешествие по Крыму, тем самым давая понять, что отныне Крым территория Российской Империи. Османская империя выдвинула России ультиматум, по которому требовала, чтобы Россия отдала Крым Турции. Россияне ответили отказом, в результате в августе 1787 года началась война. События той войны нашей общественности известны гораздо лучше, чем предыдущей. Победы Суворова, штурм и взятие Измаила, где отличился Кутузов, первые победы Федора Ушакова, успехи на Балканах - все это вызывает гордость потомков. Кипр находился на самом краешке христианского мира, вдали от решающих битв и побед русского оружия. Наконец-то турки могли взять реванш и унижить Ацали, а в лице его, как они полагали, Россию. Скупно пишет наш герой

обо всех унижениях, которые ему пришлось пережить. Видимо, в связи с войной денежное довольствие Российскому консульству уже не поступало, наш герой был вынужден брать в долг средства на содержание консульства. Ацали пытается рассчитаться, продав свое имущество. Удастся продать «за половинную цену». 23 сентября он спешно покидает остров, скитается по Средиземному морю, прибывает на остров Занте, затем в Триест. Пишет и отправляет донесение в ГКИД, и уже из Триеста он отправляется в родной город – Ливорно.

Прошение.

В АВПРИ есть и еще один документ. Это прошение Ивана Ацали на высочайшее имя «о вознаграждении за свои труды, издержки и лишения, которые он претерпел, находясь на российской службе». Он излагает основные вехи своего служения Российской империи, о которых любознательный читатель уже прочитал в этом очерке.

К прошению прилагается и Аттестат, выданный ему еще в 1778 году его покровителем Алексеем Орловым-Чесменским. 25 июля 1789 года вице-канцлер правительства Российской империи Иван Остерман объявил Указ императрицы Екатерины II об увольнении «по прошению находившегося на острове Кипре Ивана Ацали от всех дел». Уволили нашего героя с повышением, в чине секунд-майора (капитана первого ранга по «Табели о рангах»). Небезынтересно заметить, что незадолго до этого Иван Ацали получил назначение на флот, но, как говорится в императорском Указе, «за болезнь туда не отправился».

Дальнейшая судьба нашего героя неизвестна. Однако его имя вошло в историю Российско-кипрских дипломатических отношений по той простой причине, что он был первым и единственным консулом Российской империи на Кипре. Так вспомним же имя Ивана Ацали с признательностью и благодарностью.

Часть вторая

Константин Перистианис

День святой Екатерины.

Тот день для графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского был самым горьким в его жизни. Старый генерал многое повидал на своем веку. Знал безвестность и славу, почет и опалу, победы в бесчисленных морских сражениях и горечь поражений. Он был любимцем императрицы Екатерины Великой, был храбр и предан, умел рисковать. Разве не было рискованным предприятием возведение на царский трон иностранки?! Братья Орловы тридцать четыре года назад рискнули и не прогадали. Екатерина стала русской императрицей, а братья Орловы – ее опорой. Григорий стал любимцем, фаворитом. Он, Алексей Орлов – победителем великого сражения в Чесменской бухте, в результате которого был уничтожен турецкий флот. До сих пор греки, вспоминая русские походы, называют то славное время «Орлофика». Месяц назад скончалась императрица, на престол вступил ее нелюбимый сын Павел. И вот накануне дня святой Екатерины светлейший граф Орлов получил императорский приказ явиться в Александро-Невский монастырь, чтобы принять участие в торжественном перезахоронении

императора Петра III. Павел ничего не забыл и ничего не простил. Зная об участии Орлова в расправе над его отцом, он приказал именно ему, герою Чесменского сражения, нести перед гробом императорскую корону. Старый служака, граф явился в монастырь в указанное время. Там силы его и покинули, он зашел в затененный коридор и там дал волю слезам. Доброжелатели графа (коих во время опалы бывает немного) нашли его там, уговорили не гневить императора, подумать о дочери, выполнить царскую волю. Он взял в трепетавшие руки корону, помещенную на бархатную подушку, и траурный кортеж двинулся. Граф немного успокоился, презрительные взгляды новых царедворцев уже не так беспокоили его, воспоминания теснились в душе. Для него «орлофика», как славное время побед, закончилось. Герой Чесменской битвы вышел в отставку, поселился с дочерью в подмосковном имении, занялся разведением лошадей и вывел прекрасную породу. Красавцы орловские рысаки вызывали восхищение и в России, и в Европе. Смерть Екатерины граф воспринял с горечью, уходила эпоха яркая, победная, героем которой он, несомненно, был.

Молодой Пушкин позднее скажет о том времени и о поколении россиян, к которому Орлов принадлежал:

«Бессмертны вы вовек, о росски исполины,
В боях воспитаны средь бранных непогод!
О вас, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдет молва из рода в род.
О, громкий век военных споров,
Свидетель славы россиян!
Ты видел, как Орлов, Румянцев и Суворов,
Потомки грозные славян,
Перуном Зевсовым победу похищали;
Их смелым подвигам страхась, дивился мир;
Державин и Петров героям песнь бряцали
Струнами громозвучных лир»

Почетное вице-консульство.

Как говорится, новые времена – новые песни. И вот уже император, Павел I занимается вопросами внешней политики империи. В «Штатном расписании консульским постам», учрежденным императором в январе 1800 года, российских консульских учреждений на Кипре уже не значилось. Однако здравый смысл восторжествовал, и Павел осознал необходимость российского дипломатического присутствия на Кипре.

В «Справке» Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) «О деятельности российских консульских представительств на острове Кипр» говорится:

«Основанное в Ларнаке вице-консульство функционировало вплоть до начала русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Вызванное этой войной временное закрытие данного учреждения вылилось в окончательную его ликвидацию главным образом вследствие оккупации Кипра Британией. Впредь консульские представители Российской империи на Кипре не появлялись».

В XIX веке интересы Российской империи в Турции представляли посланники (с 1867 года - послы) в Константинополе. Именно они назначали и увольняли своих представителей, вице-консулов, на просторах Османской империи.

Были вице-консулы и на Кипре, их Резиденция располагались в Ларнаке. И в течение почти восьми десятилетий XIX века над Кипром развивался российский флаг. Главной задачей вице-консулов было отстаивание интересов России в регионе. Они занимались делами, связанными с морской торговлей, судоходством, защищали местное православное население от произвола турецкой администрации острова. Все вице-консулы были коммерсантами, владели недвижимостью в Ларнаке. Вероятнее всего, именно в своих домах они и обустраивали канцелярию, рядом устанавливали флагшток, на котором поднимали российский флаг. Очевидно, что деятельность вице-консулов всегда встречала противодействие турецкой администрации.

Письмо с Кипра.

Летом 1802 года в Российское посольство в столицу Османской империи Константинополь было доставлено письмо с Кипра. Письмо было написано на французском языке, в нем сообщалось о кончине российского вице-консула Мишеля ди Джованни Микеле, которая последовала 29 июля. Прочитав письмо, российский посланник, старый дипломат Василий Степанович Тамора, задумался. Как говорится, человек предполагает, а Господь рас-

полагает. И полгода не прошло, как Василий Степанович выписывал на имя Микеле патент, был добыт и фирман султана. Сам Микеле в своем первом и, как теперь выясняется, последнем донесении, сообщал о новостях Кипра, Египта и Сирии. Докладывал и о всех иностранных кораблях, которые заходили в кипрские гавани. И вот весть о кончине. Сообщил ее российскому посланнику Константин Перистиани. Автор письма, кипрский коммерсант, выражал горячее желание представлять интересы России на Кипре. Василий Степанович – дипломат опытный, на этом поприще с девятнадцати лет. Был переводчиком на Кавказской линии, участвовал в переговорах с грузинским царем и иранским шахом. За годы его дипломатической работы не так часто случалось, чтобы кто-либо горел желанием занять должность, исполнение которой не предполагало денежного вознаграждения, и было чревато опасностями. Василий Степанович призвал секретаря, и вскоре перед ним лежала записка, в которой излагались данные о претенденте на должность вице-консула на Кипре. Вероятно, информация вполне удовлетворила русского посланника. И кипрский коммерсант Константин Перистиани был назначен на должность почетного вице-консула Российской империи на Кипре.

Годы испытаний, страданий и тревог.

Годы служения Константина Перистиани на дипломатическом поприще были весьма драматичными. На его долю выпали унижения православных греков-киприотов. Произошли кровавые расправы над выдающимися деятелями Кипрской Православной Церкви, лучшими сынами кипрского греческого народа. Обстановка, которая царила тогда на Кипре, может быть охарактеризована словами выдающегося русского исследователя Кипра, путешественника Василия Григоровича-Барского, который писал, что православный народ Кипра жил «в обстановке черного ужаса». Вот несколько примеров. После смерти

Екатерины II турецкие поработители усилили репрессии против православного населения. Помимо официального гнета практиковались еще, так называемые, «народные протесты», когда фанатики-мусульмане, поощряемые турецкими властями, грабили мирное население и бесчинствовали. Никакого закона, защищающего православных, не существовало. И ныне в каждом кипрском монастыре вам расскажут о нападениях, грабежах, насилиях и расправах того времени. Незадолго до вступления в должность нашего героя, в резиденцию Архиепископа всего Кипра и новой Юстинианы Хрисанфа ворвалась толпа турецких фанатиков. Они схватили архиепископа и убили бы его, если б не помощь молодого секретаря Киприана (будущего архиепископа и национального мученика).

Расправа над драгоманом Хаджигеоракисом – вопиющий пример такого произвола. Наконец, события 1821 года, когда 470 киприотов бы-

ли вероломно арестованы, а затем подверглись мучениям и были казнены, говорят о трагичной атмосфере, царившей на Кипре в первой половине XIX века. Важно и то, что это был период сложных, в большей степени враждебных отношений между Российской империей и Османской Турцией. Можно сказать, что становиться в такой обстановке представителем России, было равнозначно подписанию себе приговора.

В поисках героя.

Совершенно бесспорно, Перистиани должен был быть личностью неординарной, безусловно мужественным, свободолюбивым и уважающим Россию, иначе он не стал бы предлагать свою кандидатуру на пост вице - консула в столь опасное время.

Что нам известно о человеке, который представлял интересы России на Кипре в течении трех десятилетий (с перерывами на периоды обострения отношений между Россией и Османской империей)? Не так много. Мы опираемся на документы Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), из которых следует, что Перистиани был греком, уроженцем Кефалоньи, острова Ионического архипелага. Он называл себя венецианским гражданином, так как Венецианская республика владела Ионическими остро-

вами до наполеоновских войн, в ходе которых республика была упразднена.

Важно отметить и то, что похоронен российский вице-консул был у стен храма святого Лазаря в Ларнаке. Сегодня на стене храма прикреплена мраморная надгробная доска с могилы нашего героя.

Таким образом увековечена память о Перистиани за его заслуги перед Кипрской Православной Церковью. Об этом автору поведал старейший священник Китионской епархии протоиерей Макарий. Кроме того, в Киккском монастыре нам рассказали, что Перистиани, используя статус вице-консула России, много помогал Киккскому монастырю во имя иконы Богородицы Милостивой, и его память молитвенно чтут монахи великой обители.

Как вице-консул стал военнопленным.

В 1805 году произошла битва при Аустерлице, в которой войска Наполеона одержали победу. Весть о победе французов достигла дворца султана в Константинополе. Селим III, поклонник французской культуры, ликовал. Поражение России и Австрии – его заклятых врагов, давали шанс султану взять реванш за все поражения Османской империи. Началось франко-турецкое сближение. Осмелевший султан приказал не допускать российские суда к проходу через черноморские проливы. Прорусские правители Молдавии и Валахии были низложены. Так началась очередная русско-турецкая война. Российский вице-консул на Кипре в этой обстановке выражает решительную поддержку России. По сведениям из Большой Кипрской Энциклопедии, Перистиани помогает спастись от турецкого плена двум российским кораблям, которые находились в гавани Ларнаки. Турецкая администрация готовилась нанести мощный удар по всем прорусским силам. Вице-консул Российской империи Константин Перистиани был главной мишенью турок. Они не могли ему простить его любви к России и ненависти к турецким оккупантам. Они прекрасно помнили, что еще в 1804 году российский вице-консул выразил презрение к Османской

империи тем, что стрелял по турецкому флагу (об этом см. Д. Хилл «История Кипра» стр. 107-108). И вот Перистиани был взят в плен, вопреки всем договоренностям о дипломатической неприкосновенности. Впоследствии в донесении, написанном на имя российского посланника, Перистиани опишет, какому унижению он подвергся. Турки предложили российскому вице-консулу заплатить за самого себя выкуп. Выкуп огромный: 5 тысяч турецких пиастр (по курсу того времени эта сумма была эквивалентна 25 кг серебра). Перистиани заплатил выкуп, однако, его торговые дела после этого случая пошли резко вниз. Вероятнее всего, дело было не только в выкупе, но и в препятствиях, которые чинила турецкая администрация. Об этом он тоже впоследствии сообщил в Константинополь российскому посланнику.

Большая политика.

Между тем, полным ходом шла война между Россией и Турцией. Напомним, что причиной войны послужило стремление Турции восстановить свое безраздельное господство на Черном море. Турция объявляет России войну, но уже в 1807 году русские войска отразили все попытки турок вторгнуться в Валахию и Грузию. Успешно действовал и русский черноморский флот, а эскадра под командованием адмирала

Сенявина Д. Н. нанесла турецкому флоту несколько поражений в Эгейском море. После подписания Тильзитского мира с Францией в 1807 году, Россия и Турция заключили перемирие, но в 1809 году боевые действия были возобновлены. Русские войска занимают несколько крепостей на Черном море и в Закавказье, а в 1811 году армия под командованием фельдмаршала Кутузова М. И. окружила турецкие войска на Дунае и вынудила их капитулировать. Подписанный затем Бухарестский мирный договор закрепил присоединение к России Бессарабии и Западной Грузии.

По лезвию ятагана.

Внимательно вчитываюсь в документы, присланные из Московского Архива внешней политики Российской империи. Это несколько донесений вице-консула Российской империи на Кипре Константина Перистиани, которые в архиве сохранились. За каждой строкой документа пульсирует сложный и переменчивый XIX век. В его контексте встает перед нами фигура человека весьма неординарного, обладающего настойчивостью, незаурядным мужеством и принципиальностью. Судите сами. Русско-турецкая война 1806-1812 гг. внесла серьезный разлад в дипломатические отношения между двумя империями. На время военных действий дипломатические от-

ношения между Россией и Турцией были прекращены. А что же наш герой? В отличие от первого российского консула на Кипре Ивана Ацали, который покинул Кипр в подобной ситуации, наш герой остается на Кипре и по окончании военных действий вновь обращается с просьбой о выправлении ему патента, дабы возобновить свое служение на посту вице-консула России. Посланник в Константинополе, Андрей Яковлевич Италинский, сменивший еще в 1802 году Василия Томару, патент выписывает и фирман выправляет. Так в 1813 году происходит второе вхождение на русскую службу нашего героя. Из документов видно, что делает он это с радостью и гордостью. А ведь идет по лезвию ножа (в нашей ситуации по лезвию турецкого ятагана, которое, как известно, обоюдоострое). И здесь автор не преувеличивает. Чтобы это доказать, я приведу один трагичный пример.

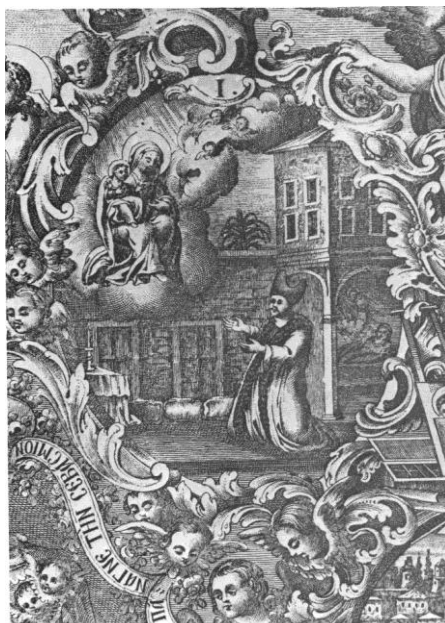
Судьба драгомана.

Если этот очерк заинтересует моих любознательных читателей, то я советую им обязательно посетить музей в Никосии «Дом драгомана Хаджигеоргакиса Корнесиоса». Это, пожалуй, единственное место на Кипре, которое хранит атмосферу исторического периода, о котором я пишу. Здесь удивительное смешение восточного колорита и эллин-

ского духа. В таких домах-поместях жила элита православных киприотов. И привкус горечи не покидает, когда бываешь тут. Зная хотя бы немного историю этого дома и этой земли, ощущаешь всю глубину отчаяния, которое сопутствовало жизни православных киприотов, от бедного пастуха до образованного коммерсанта. Ведь люди, жившие здесь, были несчастны, потому что были рабами на своей земле в течение 300 лет. Пост драгомана был на Кипре престижным, но и опасным. Драгоман был не только переводчиком. Занимался он и сбором налогов с православного населения, многими административными вопросами. Было известно, что драгоман Корнесиос - порядочный человек. Он не стремился к нечестному обогащению, помогал Кипрской Православной Церкви, был благотворителем местного лепрозория, помогая несчастным больным. Константин Перистиани дружил с драгоманом и неоднократно помогал ему. Свидетельством этой дружбы является упоминание имени Перистиани в одной из песен Корнесиоса. Текст этой песни на Кипре хорошо известен и приводится даже в большой Кипрской Энциклопедии (том 11, стр. 276).

По своим политическим воззрениям, и Перистиани, и Корнесиос были русофилами. Это очень возмущало представителей Франции на

острове, так как отношения между Россией и Францией в те времена были напряженными. Известно, что французский консул на Кипре ненавидел Хаджигеоргакиса и всячески пытался опорочить его перед турецкой администрацией.

Турки натравили на драгомана толпу недовольных людей, которые разгромили его дом, обвиняя в финансовых махинациях. Драгоман поехал Константинополь, где бесстрашно отстоял свою невиновность. В это время его функции исполнял некий Николай Николаидис. Этот бесчестный человек вошел в сношения с турецким агон (военачальником) Хасаном. За несколько лет они разграбили все, что было возможно. А когда драгоман вер-

нулся и обнаружил хищения, свалили все на него. Хаджигеоргакис едет вновь в Константинополь, чтобы доказать свою невиновность. За него вступается российский посланник Италинский и английский посол. Но, увы, спасти этого честного человека не удалось, и по приказу султана Корнесиос Хаджигеоргакис был обезглавлен.

За многие жертвы...

Вот, какая расправа подстерегала и нашего героя. Но, презрев все опасности, в 1813 году Перистиани продолжил свою миссию. В 1815 году он принимает в своем поместье в селении Мосфилоти английского путешественника Вильяма Тернера. Вот, что путешественник пишет о встрече с нашим героем: *«Я принял весьма любезное приглашение посла России г-на Перистиани побывать в монастыре, а затем и на обеде в его родовом поместье, которое в селе расположено. Было около 11 часов утра, когда мы прибыли в монастырь Святой Феклы, где меня тепло принял посол, и мы отправились в монастырь. Там я повстречал старенького и глухого священника, которого впоследствии также видел на обеде у посла»*. В своих записках англичанин называет Перистиани «русским послом на Кипре». Пишет о нем с большим уважением. Встреча происходит в пре-

стольный праздник Мосфилоти – день святой равноапостольной Феклы. За праздничным столом на почетном месте – сельский священник. Только что закончились наполеоновские войны. Россия разгромила Бонапарта, англичане были союзниками России. Английский путешественник встречен с настоящим кипрским гостеприимством...

Между тем, Посланником России в Константинополе в то время назначается Григорий Александрович Строганов. Надо отдать должное императорам Российским, на дипломатическую службу они отбирали людей талантливых, патриотов, которые интересы России ставили превыше всего. Судьба Строганова могла бы стать темой специального исследования. Здесь же отмечу, что Григорий Александрович был двоюродным дядей Наталии Николаевны Пушкиной. После гибели великого поэта именно он уговорил петербургского митрополита Серафима разрешить погребение Пушкина по христианскому обряду. (Митрополит настаивал, что участники дуэли должны быть приравнены к самоубийцам, которых хоронили отдельно). Строганову были доверены дела опекунства вдовы и маленьких детей нашего великого поэта. Именно Строганову Перистиани отправляет письмо осенью 1818 года. Вице-консул просит о помощи. Мы помним, что его должность не

предполагала денежного вознаграждения, и он сам просил его назначить вице-консулом. Но, видимо, после русско-турецкой войны его торговые дела не поправились, а турецкая администрация чинила многочисленные препоны, если этот достойный человек обращается за помощью «за многие жертвы, услуги и абсолютную преданность августейшему Государю и Вашему превосходительству» (цитата из донесения Перистиани). Стоит отметить, что к письму Перистиани прилагает свидетельство Архиепископа горы Синайской Константина, будущего патриарха Константинопольского, подтверждающее все факты, изложенные им. Автор свидетельства выдающийся деятель мирового православия, автор значительных богословских трудов, просветитель. За свою любовь к России был гоним и неоднократно страдал. Перистиани был дружен с Архиепископом, а ведь известно: скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты. Вероятнее всего, помощь была оказана. Вице-консульство продолжало исправно функционировать, его работа расширялась. Перистиани назначает в Лимассоле своего агента, коим стал Димитрис Караламбити. Из донесения Перистиани узнаем, что на Кипре в то время проживал единственный подданный Российской империи, некий Джереми.

Помогала ли Россия?

Важным событием, которое повлияло не только на весь греческий мир, но и на судьбу нашего героя стала национально-освободительная борьба греческого народа за независимость. Поскольку Россия не осталась в стороне от этой борьбы, события напрямую коснулись и Российского вице-консула Константина Перистиани. События 1821 года и сегодня живут в сердцах греков и киприотов. Каждый год 25 марта улицы Кипра украшаются флагами Греции и Республики Кипр. В 1821 году в Греции началась борьба за свободу от Османского ига. Здесь автор призывает изучать историю, доверяясь не только сведениям, которые помещаются в некоторых популярных электронных СМИ, ставших для многих из нас, увы, главным источником информации.

Так, в Википедии читаем: «Уже в XVII веке греки смотрели на единственную им Россию как на опору в будущей их борьбе с турками; эти надежды встретили сочувствие в русских правящих сферах. Когда в 1770 году русская эскадра появилась в Средиземном море, Морею охватило восстание, но оно было легко подавлено турками».

Внимательные читатели наших очерков уже знают, что вовсе не так легко подавлено было восстание на Пелопоннесе.

Дальше больше, авторы Википедии пишут: «Войны России с Османской империей в конце XVIII века не имели для греков практического значения. Значительный толчок освободительному движению дала революция во Франции».

Работая над серией очерков об истоках дипломатических отношений между Кипром и Россией, автор изучила немалое количество материалов греческих авторов. И может, опираясь на эти документы, свидетельствовать: не все историки и простые греки забыли подвиги русских моряков во время военных экспедиций на Архипелаг, помнят имена графа Алексея Орлова и других славных героев. Огромную роль Россия сыграла в образовании первого национального греческого государства. В самом конце XVIII - начале XIX веков, в период войны России с Францией, Ионические острова на несколько лет становятся стоянкой русского военно-морского флота. Русская эскадра под командованием адмирала Ушакова изгоняет отсюда французов. Вот строки из донесения адмирала Ушакова Павлу I от 10 ноября 1798 года о вступлении русских моряков на берег острова Закинф: «Народ вышел на улицы; колокольный звон слился с приветственными возгласами в честь русского императора, все дома украсились русскими флагами с андреевским крестом; стоявшие у

окон женщины, крестясь и плача, протягивали руки к проходившим по городу войскам, детей вывели на улицу, и они по греческому обычаю целовали руки русским офицерам и солдатам». Создается Ионическая республика, в которой Ушаков, будущий святой Русской Православной Церкви, становится советником. Коль уж зашла речь о роли России в национально-освободительном движении Греции, стоит заметить, что на Ионических островах русские много строили. И не только фортификационные сооружения и лазареты. Строили дороги, водопроводы, фонтаны, каналы, русские бани, склады и порты. Российский поверенный при Ионической республике граф Г.Д. Мочениг содействовал открытию общеобразовательных школ на всех Ионических островах. Отношения между русскими и греками были теплыми. Вплоть до того, что многие жители понимали русский язык, молодежь говорила по-русски, а мальчишки распевали русские песни. К сожалению, республика просуществовала до 1807 года, когда по условиям Тильзитского договора России пришлось вернуть острова Франции. Тысячи греков покинули родину и прибыли, спасаясь от преследований, в Россию, где были радушно приняты, получали поддержку на государственном уровне. Греки смогли обосноваться и заняться торговлей и земледелием

другими деловыми операциями. К началу XIX века община греков в России помимо торговых контор, страховых компаний, складов, кораблей и магазинов имели национальные школы, училища, театры, типографии, церкви. Благодаря своей активной деятельности греки России заняли в жизни страны видное положение. В ближайшем окружении царя находился любимый им министр-грек, уроженец острова Корфу, Иоаннис Каподистрия. Он с юных лет бредил идеей освобождения Греции от турок. Многие греки служили в Российской армии. Примером может служить семья Ипсиланти, оба брата Ипсиланти Александр и Дмитрий отличились в Отечественной войне 1812 года.

1821 год на Кипре: Богородица оделась в черное.

Греческая община в России начала XIX века занимала видное место и играла заметную роль в общественно-политической и экономической жизни страны. Именно представители этой общины, одесские греки, и создали в 1814 году тайную организацию «Филики Этерия» (Φιλική Ἐταιρεία) — в переводе с греческого «Общество друзей»), целью которой было объединение греков и всех христиан турецкой империи для борьбы против османского ига. Кипр был в сфере интересов «Филики Этерия», и в 1818 году Архи-

епископ всего Кипра и Новой Юстинианы, Предстоятель Кипрской Православной Церкви Киприан был посвящён в это тайное революционное общество. Каждый православный житель Кипра, а Архиепископ в первую очередь, сочувствовал борьбе братьев-греков за независимость. Воздем национально-освободительной борьбы греческого народа стал Александр Ипсиланти. Он запросил Архиепископа Киприана, примкнёт ли православный народ Кипра к вооруженной борьбе. Киприан был реалистом. Он понимал, что Кипр расположен в изоляции от греческого мира, любое вооруженное выступление обернется кровавой расправой. Он честно ответил, что киприоты поддержат надвигающуюся революцию только деньгами и снабжением, так как у них нет флота, а главное, нет боевых традиций, которые присущи грекам материковой Греции. 8 октября 1820 года Ипсиланти, получив от Архиепископа серьёзную финансовую поддержку, прислал из Измаила письмо благодарности за взнос, сообщая Киприану, что «открытие школы приближается». Так, конспиративно общалось о начале революционного движения. В конце февраля 1821 года братья Ипсиланти с восемьюстами кавалеристами перешли реку Прут. В Бессарабии к боевой дружине присоединились до 4000 добровольцев, после чего началось вос-

стание в Пелопоннесе. 25 марта 1821 года Ипсиланти обратился к своему войску с торжественной речью, где, напомнив о славных деяниях древних эллинов, открыто призвал к вооруженной борьбе против турецкого ига. Его призыв с быстротой молнии разнесся по всей Греции. Истосковавшийся по свободе греческий народ немедленно взялся за оружие. Киприоты не остались в стороне, со всех уголков острова православные жители острова тайком отправлялись воевать в Грецию. Турки ответили жестокими репрессиями. Началась резня греческого населения по всей территории Османской империи. В первый день Пасхи 1821 года, 10 апреля, в Константинополе был повешен Патриарх Константинопольский Григорий V. Россия разорвала с Турцией дипломатические отношения. На Кипре у местного правителя Кючука Мехмета были развязаны руки. Он вызвал подкрепления и приступил к конфискации оружия и аресту многих видных киприотов. Архиепископ обратился с просьбой к населению сдать оружие и сохранять спокойствие. Киприану советовали покинуть остров, поскольку положение ухудшалось, но он отказался покинуть свою паству. 9 июля 1821 года Кючук Мехмет обязал явиться в Никосию 486 знатных киприотов и, закрыв ворота стен Никосии, обезглавил или повесил 470 из них.

Были казнены пафосский митрополит Хрисанф, китионский митрополит Мелетий, киренийский митрополит Лаврентий. Архиепископ Киприан был публично повешен на дереве. Всего турки уничтожили 10 тысяч мирных жителей.

Из Большой кипрской энциклопедии мы узнаем, что во время событий 1821 года Перистиани спасал многих земляков от турецких преследований. Шведский путешественник Бергрэн писал: «Богородица оделась в чёрное, многие дома были обрызганы кровью».

Эллада – свободное государство.

В 1827 году Национальное собрание избрало первым президентом Греции Иоанниса Каподистрия. В этом же году Россия, Англия и Франция выступили гарантами автономии Греции. Полагаясь на помощь России, Каподистрия вместе с преданным ему сенатом вел непримиримую борьбу с царившей в Греции анархией. Оппозиция, подстрекаемая Англией, перешла к открытому вооруженному восстанию. В результате позорного террористического акта оборвалась жизнь Иоанниса Каподистрии, который так много сделал для того, чтобы Греция обрела независимость. В итоге русско-турецкой войны в соответствии с Адрианопольским мирным договором Турция вынуждена была признать автономию Греции, и с 1830

года Эллада является независимым государством.

Кровь, пролитая совместно греческими повстанцами и русскими солдатами и моряками за создание свободного и независимого государства, еще больше сблизила народы Греции, Кипра и России.

1830: третье вхождение в должность.

Из документов АВПРИ следует, что в это тревожное для православных время российское вице-консульство закрывается. Его архив Перистиани передает австрийскому консулу, сам удаляется от дел. Нам неизвестно, провел ли он последующие годы на Кипре или нет. Ибо следующий документ из Архива относится уже к 1830 году. Это донесение Перистиани о том, что он получил фирман и все необходимые документы, чтобы приступить к своим должностным обязанностям.

Этот бесстрашный человек в третий раз (!) вступает в должность вице-консула Российской империи. За 9 лет произошло много событий. Завершилась очередная русско-турецкая война (1828-1829 г.г.). Кипрский народ продолжал жить в обстановке «черного ужаса», раны были еще свежи. Перистиани не мог не знать Китионского митрополита Мелетия, резиденция которого была в Ларнаке. Владыка был казнен. В ходе резни пострадали многие ларнакчане.

В 90-е годы прошлого века Андреас Эвривиадис, представитель старинного аристократического рода Ларнаки, рассказывал мне семейное предание. Супруга его предка вместе с другими женами и матерями пришли в Никосию после расправы, чтобы забрать тела своих близких. Турки закрыли ворота сераля, где произошла резня. Они выбросили за ворота головы казненных, и бедные женщины, рыдая, искали останки своих родных. Чудом удалось Перистиани тогда не попасть в турецкие жернова. Но был он у турок, что называется, бельмом на глазу, и турецкие власти только искали предлог, чтобы расправиться с российским вице-консулом.

Отрешение.

Сообщая о своей третьей аккредитации, Перистиани заверяет посланника в своей готовности следовать всем полученным инструкциям. Он «должен оказывать услуги российским подданным, только удостоверившись в подлинности их подданства, что он не имеет права выдавать патенты, пропускные визы и новые паспорта» (из донесения от 2 июня 1830 года). Обратим здесь внимание на такую деталь, как слова о новых паспортах. В дальнейшем тема паспортов сыграет роковую роль в судьбе нашего героя. Однако, Перистиани готов был продолжить работу, представляя инте-

ресы России. В своем донесении российскому посланнику Рибопьеру он пишет и о своем сыне Марко, отмечая, что сын оказывает ему значительную помощь и ходатайствует о его назначении секретарем вице-консульства. И вдруг как гром среди ясного неба. Из Константинополя от российского посланника Бутенева А. приходит на Кипр распоряжение, которое предписывает сложить полномочия вице-консулу Российской империи Константину Перистиани ввиду его отрешения от этой должности. Автор внимательнейшим образом изучила все хранящиеся в АВПРИ документы, касающиеся этого распоряжения. Вообще в дипломатическом праве есть такое понятие как «персона нон гра-та» («нежелательное лицо»). Это заявление государства в той или иной форме о том, что дальнейшее пребывание на его территории данного дипломата, членов его семьи или какого-либо другого сотрудника дипломатического представительства нежелательно. Нечто подобное, видимо, произошло с нашим героем. Совершенно очевидно, что турецкие власти Кипра ходатайствовали перед султаном об отрешении нашего героя. Обвиняли его в том, что он содействовал эмиграции греков-киприотов в свободную Грецию и получении ими греческого гражданства. Видимо у российского вице-консула были некие ры-

чаги для выдачи греческих паспортов. Сейчас уже трудно установить, что это были за возможности. В донесении Перистиани посланнику Российской империи в Константинополе А. Бутеневу от 4 февраля 1832 года говорится, что с мучительным стоном воспринял он его решение. Ведь он своевременно отвечал на запросы посланника по этому поводу и аргументировано опровергал все возводимые на него обвинения, последнее из этих опровержений не по его вине не дошли до адресата. Но несмотря на все это, Перестиани беспрекословно подчиняется приказу. Из донесения видно, что наш герой мечтал вернуться на свой пост. Увы, надеждам осуществиться не удалось

Заключение.

Как прошли последние годы жизни Константина Перистиани, - нам неизвестно.

Мы поделились своими скромными обретениями по этой теме с читателями, чтобы отдать дань благодарности и доброй памяти тем грекам-киприотам, которые служили на благо России, и от ее имени могли защищать свой народ от тягот османского ига. Они были надежными помощниками русской дипломатии. В труднейших условиях закладывали основание отношений между народами Кипра и России, которые ныне изумляют единением духов-

ным, созвучием нравственных ценностей и культурных традиций, многосторонним сотрудничеством. Эта работа достойна увековечивания. Хочется верить, что в Ларнаке неподалеку от того места, где некогда был поднят Андреевский стяг, будет установлен памятный знак, посвященный деятельности всех сот

рудников дипломатических представительств России в то трудное для Кипра время.

Очень надеюсь, что однажды в День дипломата мы соберемся у памятного знака, возведенного в память о тех, кто защищал интересы России и о ком справедливо сказал министр иностранных дел России Сергей Лавров:

**«И служили стране, ее нерв сквозь себя пропуская,
И учились искусству, как ладить и как торговать,
И учились, как жить, по заслугам других уважая,
И учили других, как Россию всегда уважать».**

|

Глава шестая

Русский некрополь в Полемидии

Правь, Британия, морями

Rule, Britannia! Britannia rule the waves:
Britons never will be slaves.

Правь, Британия! Британия, правь волнами:
Британцы никогда не станут рабами.

Джеймс Томсон, автор стихотворных строк, которые позднее стали гимном Великобритании, уверенно утверждает, что британцы не будут рабами, что касается народов других стран, то их осчастливить своим правлением правящий класс этой страны был готов с большой прибылью для себя. Остров Кипр стал объектом интереса Британской империи во второй половине XIX века. Первым шагом к оккупации Кипра англичанами стали события 4 июня 1878 года, когда в Лондоне был подписан англо-турецкий договор о помощи Турции в защите азиатских владений султана. Кто же грозил турецким владениям? Ну, конечно, Россия. А кто тот «бескорыстный» помощник? Это конечно Великобритания, которая готова была править в Средиземном море

12 июля 1878 года британский адмирал Джон Хэй во главе британской флотилии прибыл к берегам кипрского города-порта Ларнака. Заканчивалась мрачная эра турецко-

го владычества на острове. Губернатором Кипра был назначен сэр Гарнет Уосли. Англичане были встречены греко-киприотами, которые составляли в то время подавляющее большинство населения Кипра, радушно. Митрополит Китионский Кириакос в приветственном слове выразил общие надежды, что именно англичане станут подлинными освободителями киприотов. Архиепископ всего Кипра и Новой Юстинианы Софроний, приветствуя сэра Уосли, сказал: «Мы надеемся, что с сегодняшнего дня для жителей Кипра начинается новая жизнь, новый славный период, который станет вехой в истории страны...» Архиепископ выражал надежду, что при покровительстве англичан, христиан, пусть и не православных, кипрский народ пойдет «прямым путем правды, долга и свободы». Увы, надеждам этим, как показали почти восемь десятилетий британского владычества на Кипре, сбыться было не суждено. Если с

1878 года Кипр оказался в подчинении Британской империи, то с 1925 года он превратился в колонию. Не случайно эпоха Британского правления на Кипре в учебниках истории называется «оккупацией» (см. «История Кипра», автор Клеантис Георгиадис). Киприоты платили тяжелые налоги, что ставило жителей острова на грань выживания. Природные ресурсы британцы нещадно эксплуатировали. Меньше всего колонизаторов заботило промышленное развитие острова. Полное пренебрежение проявлялось к вопросам образования. Упадок культуры, который наблюдался в годы турецкого ига, при новых хозяевах продолжился. В дальнейшем путь к свободе кипрский народ проложил себе с оружием в руках.

Горестные следы в Полемидии.

Присутствия русского элемента на Кипре во второй половине XIX века мы не отмечаем. Скорее можно отметить, что в этот период происходит встреча россиян с кипрским искусством. Именно в конце XIX-начале XX вв. появляются в России замечательные коллекционеры, которые создают выдающиеся коллекции античного и византийского искусства Кипра. Но наше повествование о русском следе на кипрском берегу, поэтому перенесемся в XX век, в пригород Лимассола Полемидию, где столь различимы рус-

ские следы. Именно там, в Полемидии, на Британском военном кладбище, находятся 12 могил наших соотечественников. Они были участниками Белого движения и прибыли на Кипр как беженцы в трагичное время Гражданской войны. Здесь они и окончили свои земные дни.

Сотрудникам Русского православного образовательного центра удалось изучить историю Некрополя, установить имена похороненных здесь офицеров и членов их семей, восстановить надгробья. Судьбу одного из офицеров, генерал-лейтенанта Михаила Бутчика, удалось проследить по некоторым документам. Он был разведчиком и ученым-востоковедом, героем Первой мировой войны и военным министром в Крымском правительстве. Изучив доступные материалы, Наталия Зыкова написала документальную повесть «Михаил Бутчик: судьба русского офицера»

Некоторые главы повести мы предоставляем на суд читателей ниже.

У могилы русского генерала.

Я стою у могилы русского генерала, похороненного за тысячу километров от Отечества, которому вся его жизнь была посвящена. Свой последний приют он нашел на прекрасной земле, окруженной теплым бирюзовым морем, согретой жарким солнцем. Здесь высятся православные храмы, и все же для генерала это была чужбина.

Именно здесь, в пригороде кипрского города Лимассола он, Георгиевский кавалер, оказался беженцем. Здесь и завершилась его бурная жизнь, в которой было многое. Были и горячие схватки с врагом на поле боя, и аналитические раздумья над мудрыми книгами, и секретные операции бойца невидимого фронта на просторах персидских... Чего только не было. Десять лет жизни было отдано отстаиванию российских интересов в противостоянии с Великобританией. И по иронии судьбы именно на британском военном кладбище он был похоронен в апреле 1922 года.

Несколько лет я шла по следам этого человека. Словно пыталась догнать его, заглянуть в лицо. Хотя знала, что этого никогда не произойдет. Более 100 лет разделяют нас, но шла я упорно по его следам, по пунктирной линии его судьбы. Я не могла иначе, он словно окликал меня из своего далека. Я многое узнала, что-то удалось реконструировать, о чем-то догадаться, чтобы представить себе, как прожил свои не слишком долгие 54 года русский офицер, генерал-лейтенант, военный министр Михаил Бутчик. Удивительно, что никто из моих родных, коллег, знакомых, сотрудников ни разу не спросил: «Зачем тебе все это?» Зачем писать десятки писем в разные адреса, архивы и библиотеки, зачем часами сидеть в Интернете, выискивая среди груды пустой информационной руды ценный камушек – упоминание о моем герое, либо его сподвижниках. Напротив, в среде наших соотечественников, зарубежных коллег я встретила заинтересованный отклик, сопутствующий каждой моей публикации. Может быть, чувствуем мы себя без вины виноватыми перед белой гвардией, лебединой стаей, русским воинством, изгнанным из любимого Отечества. Дав присягу однажды, они не изменяли слову русского офицера. Они потеряли Родину, было ли что горше для человека их круга? Генерал-лейтенант Михаил

Бутчик был одним из них. И пусть эта повесть не прожектор, освещающий неизвестные или забытые страницы истории, пусть станет она лампадой, зажженной в память о русских людях, потерявших Отчизну в годы кровавой смуты гражданской войны.

А исходной точкой моих исследований было: имя, фамилия, звание и дата смерти – апрель 1922 года (из архива Британского военного кладбища в пригороде города Лимассола Полимии на острове Кипр).

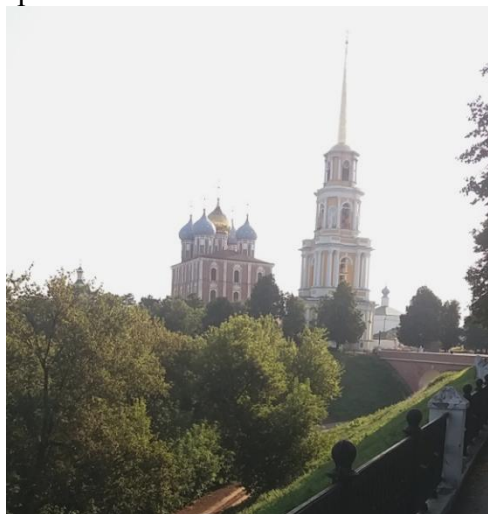
Сиротский институт в Гатчине, под Санкт-Петербурге.

Как иногда причудливо тасуются карты судеб. В студенческие годы я буквально «заболела» Павла I. Много читала, вызвалась писать курсовую работу, посвященную малоизвестным страницам правления этого странного императора. Неутолимый интерес привел меня в храм Спасана-Юру, к стенам великолепного Рязанского кремля. В крипте храма тогда сохранялись энтузиастами величайшие сокровища: библиотеки из разоренных большевиками дворянских поместий Рязанской губернии. Там я нашла прекрасно изданные труды русского ученого Шильдера. И погрузилась на целый год в эпоху, описанную блестящим ученым. Этот интерес к эпохе Павла I пронесла я через годы, наверное, сумела передать сыну. Спустя годы

на вопрос, что подарить ему на шестнадцатилетние, услышали мы ответ: «Если б можно было, хорошо бы поехать в Гатчину...». И мы отправились в Санкт-Петербург в августе 1991 года. В Гатчине мы обошли весь парк, подробно осмотрели тогда только возрождающийся дворец. На улице 25 Октября несколько раз проходили мимо школы-интерната, который до революции назывался Николаевским сиротским военным институтом. И ничего не знала я тогда о мальчике по имени Михаил Бутчик, которого опекуны привезли сюда в далеком 1878 году, чтобы оставить на несколько лет учиться. Не знала я тогда, что здесь было начало его пути, который завершится на далеком Кипре, где и встречу я с его судьбой, чтобы пройти по его следам. И с наследием замечательного ученого Шильдера соприкоснулась я не случайно. Ведь случайного не бывает ничего. В свое время ученый был директором того самого Сиротского института.

Здесь он совмещал работу педагогическую с научной, написал целый ряд прекрасных монографий о правлении императоров Павла, Александра, Николая, об истории Петербурга. Именно его книги неведомая дворянская семья в своем рязанском поместье бережно хранила. Чудом библиотека не была сожжена, а книги были привезены в разоренный храм Спаса к стенам Рязанского кремля.

Тогда и состоялась моя встреча с Николаем Карловичем Шильдером. А когда-то он стал во главе Николаевского сиротского института. Можно ли было найти лучшую кандидатуру? Участник Русско-турецкой войны, герой осады Плевны, Николай Шильдер мог дать обездоленным мальчишкам-сиротам самое верное направление в жизни. А еще проявлял настоящую отеческую за-

боту. Сохранился распорядок дня учащихся.

Девизом было «Строгий распорядок и отличное питание». Для мальчиков из обедневших дворянских родов вопрос питания был актуальным. Но как автору стало известно, что Михаил Бутчик учился в Гатчине? У исследователя нашего времени есть бесценный помощник: Интернет. Для кого-то это всемирная паутина, а для меня — огромный справочный каталог. О том, что Михаил Бутчик был студентом Николаевского института, я прочитала в историческом журнале «Гатчина сквозь столетия», который был размещен в электронном виде. Порадовалась, что есть историки, которым важна и интересна каждая страница истории родного края. Исследователи проследили жизненные судьбы многих воспитанников института. С особой гордостью отмечались в публикации имена тех, кто прославил Русскую армию своими подвигами. 15 выпускников стали действующими генералами. Имя Михаила Бутчика автор нашла среди них. Ведь он стал генерал-лейтенантом, а в Первую мировую войну был награжден не только Георгиевским крестом IV степени, что само по себе величайшая награда, но был удостоен Георгиевского оружия. Но об этом у нас речь впереди. А пока наш герой заканчивает институт в Гатчине. Ему исполнилось 17 лет, он не

женат, а, значит, согласно правилам, может без экзаменов поступить в Московское юнкерское пехотное училище. В списке юнкеров этого славного учебного заведения царской России автор обнаружила и имя Бутчика.

Под знаменем Казанской Богородицы.

Было время, когда в Лефортово я ездила каждое утро. Сначала на метро до остановки «Красные ворота», потом на троллейбусе. А затем самое драгоценное: 15 минут пешком по мосту, который в прежние времена назывался Дворцовым, через Яузу, далее по району Москвы Лефортово, к красавцу Екатерининскому дворцу, который строился по проекту самого Рейнальди. В здании этого дворца размещалась тогда Военная академия бронетанковых войск и артиллерии. На работу туда я и спешила каждое утро. (Ныне там находится Общевоинская академия Вооруженных сил Российской Федерации). Этот район так наполнен историей, что она осязаема здесь. По дороге я размышляла о петровских и екатерининских временах, искала и находила зримые приметы «России молодой». И основное пешеходное братство составляли в эти ранние утренние часы молодые подтянутые офицеры. Было это в 1985 году. Путь мой проходил мимо зданий, где до революции распола-

галось Юнкерское училище. За 100 лет до этого, в 1885 году по дорожкам старинного парка в Лефортово спешили на учебные занятия юноши-юнкера, был среди них и юнкер Михаил Бутчик, выпускник Гатчинского Николаевского военного сиротского института. Наверное, сердце юноши ликовало. Да и как могло быть иначе. Недаром прошли годы учебы, недаром получен прекрасный аттестат. Именно он давал право стать юнкером.

Стало уже общим местом сетовать на то, что мы «ленивы и нелюбопытны». Приходится, увы, здесь повторять эту сентенцию. Посудите сами, в 1917 году закончилась история многих военных учебных заведений России. Они были закрыты, и далее власти делали вид, что они не существовали вовсе. Хорошо, что сейчас энтузиасты (потому, что нет государственной программы, изучающей опыт российского образования до Октябрьской революции), начали эту кропотливую работу. Мы же изобретаем порой велосипед, проходя мимо золотой копилки русской педагогики, военной в том числе. Не то за рубежом. Недавно в Париже исследователь с русскими корнями (об этом свидетельствует его фамилия – Нечаев) написал труд об истории Московского юнкерского пехотного училища. Вы удивитесь, узнав, что спонсировал это ис-

следование Университет Северной Каролины США!

Из этого труда я узнала, что Училище было создано в 1864 году, за 52 года своего существования подготовило 13850 офицеров. Создано оно было «С целью дать возможность попутно с исполнением воинской повинностью получать военное образование и получать офицерское звание». На знамени училища сиял лик Казанской Божьей Матери. В 1906 году шефом Училища стал наследник русского престола цесаревич Алексей. И училище стали называть Алексеевским. Юнкера прославились тем, что до последней возможности защищали кремлевские стены во время Октябрьского переворота 1917 года. В 1889 году Михаил Бутчик окончил Училище и в звании подпоручика был выпущен в 101 Пермский пехотный полк. Согласно некоторым данным, полк был расквартирован в Гродно. У этого полка славная история, его бойцы-участники войны с Наполеоном, воевали они и в Русско-турецкой войне.

На сайте Русской императорской армии узнаем, что полком в это время командовал полковник Засулич Михаил Иванович. Участник Русско-турецкой войны, он был в боях контужен и ранен, награжден болгарским орденом Александра Невского. Это был прекрасный военный педагог, он всегда мог теоре-

тические выкладки подкрепить примером из своего боевого недавнего опыта. Годы службы в полку – это становление профессиональное, это и самый первый командир, который всегда играет наиглавнейшую роль в судьбе молодого офицера. Это и товарищи.

Интересно, что вместе с Михаилом Бутчиком в полк прибывает для прохождения службы Александр Кавтарадзе. Их судьбы идут рядом: вместе учились в Николаевском институте в Гатчине, вместе поступили в Московское юнкерское училище, и вместе стали проходить службу в Пермском полку. Наверное, и главная мечта была у молодых людей общая.

Академия Генерального штаба или как стать секретным агентом.

О чем мечтает русский офицер в мирное время, когда служба проходит в провинции? Автор - офицерская внучка, дочь офицера и офицерская жена. Думаю, ответ на этот вопрос мне известен. Во все времена в мирные дни офицер мечтает об академии, а в военное время о боях. Так устроены эти люди, особенные, совершенно неповторимые. Порыв офицера поступить в академию Генерального штаба выпукло и очень точно описан Александром Куприным в повести «Поединок». В советское время на уроках литературы

эта повесть изучалась как обличительная, разоблачающая затхлый мир провинциального офицерства. Куприн был штатским человеком, что увидел - то увидел.

Автор провела годы в военной провинциальной среде. Не всем по плечу однообразие жизни, удаленность от культурных центров, в советское время еще огромные бытовые трудности. Мечта об академии не дает впасть в депрессию, это путеводная звезда. Уже знакомый нам Александр Кавтвradзев три раза поступает и, наконец, становится слушателем академии Генерального штаба. Наш герой поступает сразу и до 1897 года находится в Санкт-Петербурге, учась в Императорской военной Николаевской Академии Генерального штаба. Образование Академия давала блестящее. Вот перечень предметов, которые изучались в течение двух лет учебы: тактика, стратегия, военная история, геодезия, картография, изучались иностранные языки, политическая история и военное право.

Обучение в Академии Генерального штаба открывало блестящие карьерные перспективы. Конечно, большим плюсом были родственные связи, но это было и будет всегда.

Когда работа над повестью подошла к своему завершению, мои помощники предоставили в мое распоряжение сведения, касающиеся личной жизни нашего героя. Во

время пребывания в Санкт-Петербурге Михаил Бутчик женится на Екатерине Николаевне Александровской, дочери морского офицера. В 1898 году у супругов родился сын Сергей. Так как высоких покровителей после женитьбы молодой офицер не обрел, ему приходилось надеяться на собственные силы. Блестящее распределение ему не грозило.

Однокашники.

Вместе с Михаилом Бутчиком в академии учится офицер, который впоследствии сыграет важную роль в судьбе нашего героя. Это Александр Сергеевич Лукомский. Запомним это имя. Выпускниками академии были такие выдающиеся деятели российских вооруженных сил и современники нашего героя, как Антон Деникин, Петр Врангель, Лавр Корнилов. Уже в 1898 году Корнилов по окончании Академии Генерального штаба направляется в Туркестанский военный округ. Начинается малоизвестная страница биографии выдающегося русского полководца. Служба в Туркестане продолжается с 1898 по 1904 гг. Корнилов становится военным разведчиком. Со специальными заданиями он посещает Афганистан, Индию и Персию. Он овладевает несколькими восточными языками и даже выпускает ряд лингвистических трудов, не потерявших ценности и се-

годня. Военно-дипломатическая работа в Китае, героическое участие в русско-японской и в Первой мировой войнах, плен, побег из плена с третьей попытки. В июне 1917 года он стал верховным главнокомандующим Русской армией. Организует поход на Петроград, попадает в заключение, бежит на Дон, создает и становится первым командующим Добровольческой армией. Гибнет трагично и нелепо. Какая яркая и трагичная судьба, сильная и одаренная личность! Корнилов знал Бутчика. А их судьбы скоро соприкоснутся в городе Ташкенте.

Схватка за Азию

Быть великой державой — это не только честь, но и ответственность, и колоссальная работа. И только недалекие люди могут задавать вопросы о том, зачем нам нужны южные проливы, морские побережья или азиатские просторы. За такими вопросами стоят или скудоумие или скрытое желание свернуть Россию до рамок Московского княжества. А такие пожелания высказывались на самых высоких уровнях ряда европейских стран совсем недавно.

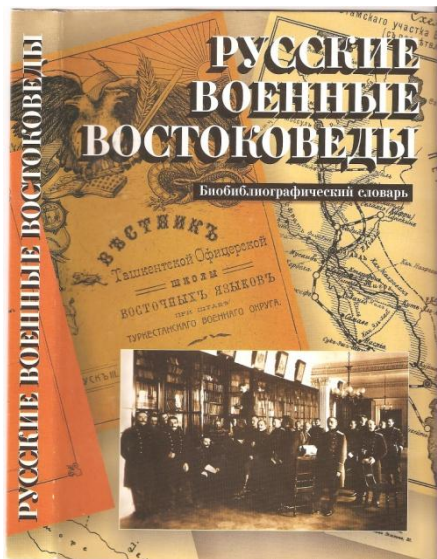
Нам нечего стесняться, еще в середине XIX века началась борьба за Азию между двумя великими державами Великобританией и Россией. В 1895 году специальная Российско-Британская комиссия устанавливает пограничный столб № 12.

На событии присутствуют представители Персии. Для России это поистине исторический день — 28 августа 1895 года. Отмечена южная граница Российской империи. Произошло мирное крупномасштабное присоединение к России территорий Центральной Азии. Важнейшее приобретение поставило перед Российским государством целый ряд неотложных задач. Необходимо было изучить неведомый край, его население, а иначе, как было управлять новыми территориями. Немаловажным было отслеживание маневров Великобритании. Тогда создаются Туркестанское генерал-губернаторство, Туркестанский военный округ. А в Ташкенте открывается школа восточных языков и Михаил Бутчик направляется сюда, чтобы учиться в течение 1898-1899 гг.

Разведчик и востоковед

Автор предполагает, что Лавр Корнилов мог рекомендовать Михаила Бутчика на учебу, они учились вместе в Академии, а к 1898 году Корнилов служил в штабе Туркестанского округа. Как складывалась дальше жизнь и служба нашего героя? Здесь у нас есть возможность не только предполагать, но открыть книгу и прочитать точные сведения. Книга эта принадлежит перу ученого Михаила Басханова. Вышла она в свет в 2004 году в Москве тиражом всего в 800 экземпляров под назва-

нием «Русские военные востоковеды». Труд Басханова сразу стал библиографической редкостью.

Я даже и мечтать не могла, что эта книга появиться на моей книжной полке. Но мне не только дали почитать этот уникальный труд, но подарили его. И я бесконечно благодарна английскому журналисту русского происхождения Майклу Нельсону и его супруге Людмиле, благодаря бескорыстному дару которых мы можем прочитать о нашем герое, русском разведчике Михаиле Бутчике, следующее:

«Михаил Бутчик получил востоковедческое образование в Ташкентской школе восточных языков (1897-1898 гг.) Проходил службу в разведывательных органах Туркестанского Военного Округа, занимался изучением Восточной Персии

и Афганистана. Затем состоял начальником консульского конвоя при Императорском консульстве в Мешхеде (это провинция на севере Ирана – прим. авт.). Руководил агентурной разведкой в приграничных с Персией районах Афганистана. В должности чиновника для дипломатических поручений выполнял поручения Российского министерства иностранных дел по персидским делам».

В разделе «Публикации и труды» Басханов приводит название исследования Михаила Бутчика, которое было опубликовано в 1904 году в Ташкенте. Это труд «Вооруженные силы Афганистана». Опубликована работа в издании «Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом». На эту же тему Михаил Бутчик сделал в 27 января 1904 года сообщение в офицерском собрании Туркестанского военного округа. Сообщение было опубликовано в 1907 году в Туркестанском военном сборнике в 431-м томе.

Десять лет разведывательной работы нашего героя в доступных автору документах, естественно, не освящены. Вновь его имя появляется на страницах военных документов лишь в 1908 году в городе Вильно (ныне Вильнюс), где Михаил Бутчик проходит службу в 27 пехотной дивизии в должности начальника штаба.

Можно только предполагать, как прошли эти десять лет, какая миссия была возложена на Михаила Бутчика в Иране и Афганистане. Бок о бок с ним несет свой крест Лавр Корнилов. И оба они – представители плеяды русских востоковедов.

Ориенталисты.

Вообще следует отметить, что русские офицеры-востоковеды – это совершенно уникальное явление в истории вооруженных сил России. Ни в одной европейской стране, ни в Великобритании и США, которые проявляли повышенный интерес к азиатским территориям, такого явления, как офицер-ориенталист (востоковед) не было вовсе. Безусловно, востоковеды выполняли разведывательные поручения российского командования. Но еще они изучали сопредельные с Россией малоизвестные и труднодоступные территории Турции, Персии, Афганистана, Индии, Китая, Монголии, Кореи, Японии. Были организованы десятки экспедиций, по ним составлены отчеты, которые опубликовывались в специальных изданиях. К сожалению, бесценное научное наследие русских востоковедов во многом было утрачено в годы гражданской войны и репрессий, часть его пылится в архивах. Ах, как бы могли быть полезны нашим солдатам и офицерам в Афганистане в 80-

е годы прошлого века эти прекрасные справочники и разговорники, эти толково написанные очерки о религии, культуре, традициях народа Афганистана. Уверена, что книга Бутчика об афганской армии стала бы в то, не так уж далекое, время необычайно востребованной. Российские воины так нуждались в подобных справочниках в 80-е годы, когда СССР вел военные действия в этой далекой и совсем неизвестной стране. Мне неоднократно рассказывали участники боевых действий, как трудно было в Афганистане, потому что было непонятно, что за народ окружает, на каком языке говорит, какую веру исповедует, и какова роль России здесь, в неведомой горной стране. Вот, что пишет об этом специалист, доктор Басханов: «Научное наследие русских военных востоковедов поистине бесценно – это тысячи работ по географии и статистике, общей и военной истории, этнографии, демографии, лингвистике и археологии, истории материальной культуры народов Востока».

Широкой общественности известно, пожалуй, лишь имя Николая Пржевальского и Лавра Корнилова. А в книге Басханова 400 статей, 400 судеб, каждая из которых достойна и памяти потомков, и благодарности, и изучения. Имя Михаила Бутчика среди них занимает достойное место.

Орден Святого ратоборца.

Высший орден Российской империи, орден Святого Георгия, был введен Екатериной Великой в ноябре 1769 года. Этот золотой крест, покрытый белой эмалью, вручался при определенных обстоятельствах. И в Статуте ордена о них говорится вполне определенно: «Ни высокая порода, не полученные пред неприятелем раны не дают право стать пожалованным сим орденом, кои во всем должность свою исправляли по присяге, чести и долгу своему, но сверх того отличили еще себя особливим каким мужественным поступком, или подали мудрые и для нашей военной службы полезные советы».

С 1769 до 1917 года, когда орден был упразднен, всего 10 тысяч человек было награждено этой наградой. Поскольку орден святого Георгия был высшей воинской наградой в России, то указ о награждении этой наградой подписывал сам император.

О подвигах, о доблести, о славе.

Полковник и начальник штаба 27 пехотной дивизии – в такой должности мы встречаем Михаила Бутчика на страницах Биографической энциклопедии Белого движения в 1908 году. Ему сорок лет, и он в расцвете духовных и физических сил.

В сентябре 1912 года наш герой вступает в командование 135-м Керчь-Еникальским полком 34 пехотной дивизии. В начале войны в русской армии насчитывалось 208 пехотных полков. Одним из славнейших был 135-й Керчь-Еникальский. История полка хорошо известна, потому что к его 100-летию в начале XX века одним из офицеров полка был написан исторический очерк, повествующий о славных походах и боях, в которых прославились пехотинцы. Они прославились мужеством и стойкостью в Отечественной войне 1812 года, в Крымской войне, за участие в которой полк был награжден особым отличием - Георгиевским знаменем. Перед Первой мировой войной полк находился в составе 34-й пехотной дивизии (7-й армейский корпус 8-й армии) и дислоцировался в г. Павлограде Екатеринославской губернии (ныне Днепропетровская область). Тогда в России широко отмечали 100-летие Бородинской битвы. У керчь-еникольцев были основания отнести к юбилею с осо-

бенным вниманием. Ведь предки керчь-еникольцев в Отечественной войне 1812 года потеряли своих лучших боевых товарищей. Офицеры и солдаты полка решили соорудить памятник воинам, павшим в боях 1812 года при деревнях Чашники и Смоляны. 26 ноября, в праздник полка, который отмечался в день святого ратоборца Георгия, в Павлограде состоялось торжественное открытие памятника. Сохранилась публикация об этом событии, которая была напечатана в военнo-литературном журнале «Военный разведчик». Автор с волнением читала январскую публикацию 1914 года неизвестного мне корреспондента «Разведчика» А. Егорова. Через столетие дошли до меня слова командира полка Михаила Бутчика, который говорил, обращаясь к своему полку: «Пусть каждый керчь-ениколец свято хранит и чтит отныне это святое место, как родную могилу своих предков, и у подножия памятника, под сенью своего полкового храма, черпает силы для доблестной службы на страх врагам, на радость Батюшке царю и дорогой Родине».

Затем командир полка возложил к монументу от имени всех военнo-служащих серебряный венок, перевитый георгиевскими лентами.

К публикации прилагались несколько фотографий. На них автор впервые увидела своего героя. Стройный

подтянутый командир полка, стоящий на фоне полкового храма.

И не знал командир, что через восемь месяцев начнется война. И многие однополчане, которые после речи командира прошли торжественным маршем, погибнут на полях ее сражений.

Год 1914.

Первая мировая война началась летом 1914 года. Война для простого народа грянула неожиданно. С немцами мы не воевали уже более 150 лет, зато очень активно торговали, дворянская и разночинская молодежь ездила учиться в Германию, оттуда привозили «учености плоды», причем многие плоды были с явным душком. Конечно, военные знали о требованиях «места под солнцем» (речь шла о территориальных притязаниях к России), которые озвучил германский канцлер фон Булов. Русское правительство представляло, что в случае войны

придется иметь дело с мощной индустриальной державой. Но не хотелось верить, что кроме колоний Великобритании и Франции, Германию еще очень интересуют наши западные губернии. Не верилось, что Турция, столько раз нами битая, отважится вновь начать войну с Россией. Мы не могли не вступить за маленькую православную Сербию, которой после выстрела в Сараево объявила войну Австро-Венгрия. В России была объявлена мобилизация, император Германии Вильгельм потребовал ее отмены, а потом, прервав переговоры, объявил России войну. Было это 19 августа (1 сентября по н.ст.) 1914 года.

Упоминание о Бутчике в годы Первой мировой войны автор искала во многих источниках, военных отчетах, мемуарной литературе. Были найдены интересные свидетельства. Так, найдена публикация, подтверждающая, что в январе 1915 года за летние бои 1914 года полковник Михаил Бутчик награждается орденом св. Георгия четвертой степени и Георгиевским оружием. (Материал содержится в 488-м номере газеты «Новое время», издававшейся в Белграде в 1922 году. Автор нашла на него ссылку, а вот номер газеты разыскать не удалось). Но мы можем реконструировать события с большой точностью, так как история боев августа 1914 года историкам известна неплохо. Итак, Герма-

ния объявила войну России. Это было для народа решающим фактором, русский народ понял: на нас напали, и встал на защиту Отечества. Вдумайтесь в эти цифры: на мобилизационные пункты уже в первые дни явились 96% (!) мужчин, подлежащих призыву.

Героический полк.

Наш герой сражался на Юго-Западном фронте. Керчь-Еникальский полк в составе 34-й пехотой дивизии принимал активное участие в боях с австро-венгерскими войсками в Галиции. Напомним здесь, что Австро-Венгрия объявила России в августе войну 1914 года вслед за Германией, желая укрепиться на Балканах. Скупое о событиях августа—сентября 1914 года на Юго-Западном фронте сообщают учебники истории: «С 23 августа развернулись ожесточенные бои между русскими и австрийскими войсками в Галиции. 3 сентября 1914 года в

результате успешного наступления русская армия заняла город Львов, в последующих боях блокировала крупнейшую австрийскую крепость Перемышль и отбросила противника на реку Сан. В этих боях Австро-Венгрия потеряла около 400 тысяч солдат и офицеров, почти половину находившегося здесь своего состава. Перед Австро-Венгрией возникла реальная угроза капитуляции». За этими краткими строками грохот взрывов, кровь раненых, молитва над убитыми воинами, встречный бой и отчаяние атак. За августовские бои в Галиции наш герой был награжден орденом святого Георгия IV степени и георгиевским оружием. Достаточно взглянуть на даты награждений, которые находим в Российском военно-историческом государственном архиве (фонд 400 дело 25 174), чтобы ощутить накал событий, понять, в каком боевом ритме проходили дни командира полка, как самозабвенно сражался наш герой. И здесь слово «герой» мы употребляем в его главном значении. Михаил Бутчик совершает геройский поступок в бою на реке Гнилая Липа 16 августа. На следующий день полк Михаила Бутчика участвует в сражении под местечком Янчин, оно вошло в историю под названием «Бой генералов». Между тем, 34 дивизия атаковала австрийские войска в Галиции. Тогда, дабы подать пример подчи-

ненным, командиры всех полков, которые входили в дивизию, встали впереди атакующих батальонов. Можно представить, какое мобилизующее влияние оказал этот пример на солдат дивизии. Дивизия — это примерно десять тысяч человек, и героическая сотня командиров полков, их заместителей, начальников штабов пошли в атаку. Поскольку это была дивизия пехотная, то атака предполагала и рукопашные схватки. Проходит несколько дней, и у деревни Мшаны 28-30 августа наш герой вновь проявляет отличие, его награждают Георгиевским оружием. Текст указа о награждении полковника Михаила Бутчика мне не удалось разыскать.

Но я попрошу моих внимательных читателей вспомнить об Александре Кавтарадзе, однокашнике нашего героя, который учился с Михаилом Бутчиком в Гатчине, Москве, служил с ним в Пермском полку и поступил в Академию генерального штаба. Их судьбы разошлись, и в 1915 году однополчанин Бутчика сражается на западном направлении. Он совершает подвиг, и его награждают тоже Георгиевским орденом. Вот, что написано в царском Указе:

«Государь Император всемилостивейше изволил пожаловать Георгиевский Орден полковнику Кавтарадзе за то, что в период, бывший с 9 по 25 сентября 1915 года, севе-

ро-западнее г. Двинска, занимая полком свой участок, он отбил десять повторных атак превосходящих немцев. И, кроме того, он неоднократно переходил в контратаку, захватил два пулемета и сто пленных. Он умело руководил подчиненными, находясь все время на боевой линии под ружейным и артиллерийским огнем. Удерживание позиций и повторные контратаки дали возможность остальным частям дивизии сохранить свои позиции».

За строгими и суровыми словами Указа встает поле боя, встает русский офицер, который готов отдать свою жизнь за Отечество, а за его образом мы угадываем фигуры солдат, которые гордились такими командирами, видя их на передовой, мужественными и отчаянными. За такими командирами солдаты шли в бой, вместе с командирами проливали кровь в боях, и гибли вместе.

Ратные страницы.

Продолжим читать скупые страницы истории Первой мировой: «По настоянию союзников Ставка Верховного Главнокомандующего начала готовить операцию по наступлению русских войск в направлении Варшава—Берлин. Поэтому началась переброска части русских войск с реки Сан в Польшу. Германское командование было вынуждено прийти на помощь своему австрийскому союзнику. На Вос-

точный фронт немцы перебросили свою 8 армию. В конце сентября австро-германские силы начали наступление в Польше. В октябре 1914 года в результате кровопролитных сражений под Варшавой и Иван-городом русские войска полностью разгромили 1-ю австрийскую армию, и поставили 9-ю немецкую армию под угрозу окружения». В «Краткой записке о службе начальника 27 пехотной дивизии полковника Бутчика» читаем, что 9 октября наш герой был ранен ружейным выстрелом в грудь. Русский офицер пулям не кланялся. И сердце его в бою было, по словам песни, воистину «под прицелом». Послужной список сообщает нам удивительную информацию. В тот самый день, когда Михаил Бутчик ранен ружейным выстрелом в грудь, подписывается приказ о произведении его в звание «генерал-майор».

Жернова истории.

У каждого человека в жизни бывает мгновения высочайшего взлета. Это может быть миг духовного прозрения у мудрого подвижника, минуты настоящей единственной любви женщины и мужчины, счастья матери, впервые прижимающей к груди только что рожденное дитя, ликование творческого человека, понимающего, что его произведение достойно внимания человечества.

У военного человека это то, о чем поэт сказал: «Есть упоение в бою, у мрачной бездны на краю». Думается, что в те августовские дни 1914 года, когда впереди полков шли офицеры, ведя воодушевленных солдат за собой, миссия Михаила Бутчика была ему ясна и желанна: победить врага, защитить родную землю. Час «боя генералов» был высочайшим мгновением его судьбы. Он не погиб тогда, его судьба продолжалась на полях сражений. И как продолжалась!

Мои помощники помогли мне разыскать публикации журнала «Вестник первоходника». Первоходниками называли себя участники первого Кубанского похода Белой армии. Они стали ядром всех белых формирований юга России, легендой Белого движения. В эмиграции участниками похода издавался журнал «Первоходник», его первые номера вышли в Белграде. А в 1961 году издание возобновилось в Калифорнии, одно время редактором военно-исторического журнала был сын барона Врангеля. В № 69/70 за 1966 год в журнале опубликованы воспоминания полковника Бориса Сергиевского «50-летие со времени русской победы на Юго-Западном фронте Первой мировой войны. Луцкий прорыв». Напомню читателям, что современники называли Луцким прорывом наступательную операцию Юго-Западного фронта

Русской армии под командованием генерала А.Брусилова, проведенную в июне-августе 1916 года. В современной историографии операция носит название «Брусилловский прорыв». В ходе операции армиям Австро-Венгрии и Германии было нанесено тяжелейшее поражение, они потеряли убитыми полтора миллиона солдат и офицеров, полмиллиона было ранено. Русская армия заняла Галицию и Буковину. Четыре армии и 20 корпусов сражались на Юго-Западном фронте. Наш герой, уже в генеральском звании, является начальником штаба 40 армейского корпуса. Корпус ожесточенно штурмует австрийские укрепления. Полковник Сергиевский в самой гуще боевых действий. Он доводит до соединений приказы штаба, с генералом Бутчиком постоянно взаимодействует. Имя Бутчика постоянно мелькает на страницах воспоминаний. Начальник штаба руководит действиями корпуса. Один эпизод из мемуаров хочется привести, он очень характерен для тех боевых дней.

Сергиевский пишет: «Около шести часов утра я, только что заснувший после шести совершенно бессонных ночей, был вызван к телефону. У аппарата был генерал Бутчик. Бросив мне: «Следите по карте», - он продолжал отдавать приказания командиру дивизии Белозору. (Белозор был на другом конце провода, а

Сергиевский сидел рядом с Бутчиком,- прим. авт.) «Направьте немедленно части ваших полков во фланг и тыл германцев. Займите немедленно, как можно скорее, деревню А.». Что отвечает собеседник Бутчика, Сергиевский не слышит. А Бутчик продолжает, он приказывает занять еще четыре населенных пункта, поочередно произнося их названия. В недоумении Сергиевский следит по карте за указаниями начальника штаба, пункты расположены на порядочном расстоянии друг от друга. Сергиевскому кажется задание невыполнимым. Он делится сомнениями с начальником штаба. Сергиевскому кажется, что Бутчик в ответ несколько презрительно улыбается. Нервы у полковника на пределе. Сергиевский вспоминает «Я докладываю: «Ваше Превосходительство! Мне кажется, что моя служба не дает основания презрительно относиться к моему мнению». Бутчик рассмеялся, что было для него в служебном разговоре совсем необъяснимым, и весело сказал: «Полноте, Борис Николаевич. Да знаете ли вы, что Белозор мне отвечал? Все эти деревни уже заняты его стрелками, и германцы начали спешный отход». Выяснилось, что русские полки, не ожидая приказа, повернули на север и уже два часа вели наступление. «Вот дух частного почина, которым мы все

жили в эти дни»,- завершает полковник свой рассказ.

Счастливые дни, ибо, что может быть прекраснее для воина, чем победа в честном и справедливом бою с сильным противником, который напал на родную землю и понес справедливое наказание.

«Люби врагов своих, но бей врагов Отечества»,- учит Мать Православная Церковь. Генерал Бутчик вел полки за любимую родину и за батюшку царя. И после Брусиловского прорыва с гордостью читал строки Приказа Верховного Главнокомандующего Русской армии императора Николая II, обращенные к командующему Юго-Западного фронта Брусилову:

«Передайте моим горячо любимым войскам вверенного вам фронта, что я слежу за их молодецкими действиями с чувством гордости и удовлетворения. Ценю их порыв и выражаю им самую сердечную благодарность».

Это был высший пик его судьбы, он был пройден, и дальше был...бег. Наверняка, ему он казался осмысленным поиском выхода из той страшной полосы безвременья, в которую погружалась Россия. Оказалось – то был бег в никуда. И не было в том вины русского генерала Михаила Бутчика, как не было вины в том других офицеров Русской армии.

Октябрь 1917-го.

В задачи нашего повествования не входит анализ хода Первой мировой войны, описание отступления русской армии и ее неудач, вынужденного отречения императора (если оно было в действительности), отчаянного похода Лавра Корнилова на Петроград - все это проходило по судьбе каждого офицера Российской армии. Тяжелые жернова истории начали свой бессмысленный круговорот, круша судьбы людей и судьбы страны.

Между тем, автор ищет и находит еще упоминания имени своего героя на страницах истории Первой мировой войны. 46-летний генерал продолжает свой ратный труд. Он становится командиром дивизии, а с 12 октября 1917 года наш герой, уже генерал-лейтенант, он командует 28-м корпусом Русской армии. Имя Бутчика нашла я и в исследовании, опубликованном совсем недавно Институтом военной истории. Это

труд «Антивоенные выступления на русском фронте 1917 года глазами очевидцев», составителем которого является исследователь С.Баранов. Мы встречаем нашего героя уже на Северном фронте.

Из донесения начальника 184 пехотной дивизии генерал-майора Афанасьева командиру 28 армейского корпуса генерал-лейтенанту М.Бутчику о нежелании солдат продолжать войну:

«Настроение в частях 184 пехотной дивизии нервное и возбужденное. Можно ожидать ухода частей дивизии с позиций. О войне солдаты слышать не хотят, единственное их желание заключить мир».

Эти слова отчаявшийся дивизионный генерал-майор пишет 21 октября 1917 года, прошел всего год с небольшим после Брусиловского прорыва. Можно представить, какие тяжелые чувства обуревают командира корпуса Михаила Бутчика после прочтения донесения. А на следующий день в Петрограде большевики организовали многочисленные митинги, на которых выступали их лучшие ораторы. 24 октября революционные солдаты и матросы стали захватывать мосты, почту, телеграф и вокзалы. К утру 25 октября столица оказалась в руках восставших. Октябрьский переворот свершился.

Судьба полка.

Однако история – не черно-белое пространство, она многоцветна и многолика. И не все солдаты были готовы дезертировать. И не все воинские соединения безоговорочно перешли на сторону советской власти. И хотя поколениям моих соотечественников на уроках истории в школах и на лекциях по истории КПСС в институтах рассказывали, что после Октябрьского переворота произошло «триумфальное шествие советской власти», это было далеко не так. Помните, Михаил Бутчик командовал летом 1914 года 135-м Керчь-Еникальским полком, который принимал участие в легендарном «бою генералов»?

Пройдет несколько лет, и полк, принимая участие в десантной операции Белой армии, весь поляжет в бою. Хочется привести стихотворение, посвященное памяти полка, которое написал чудом выживший участник этой операции князь Николай Кудашев, который вступил в ряды Белого движения в шестнадцатилетнем возрасте. Эти выстраданные стихи передают весь трагизм эпохи.

«Побатальонно, поротно,
выбыв из строя, смолк
135-й пехотный Керчь-
Еникальский полк.

Молодец молодца краше
Пулями мечены лбы,
Не доходя Таганаша,
Вышли из Белой борьбы.

Полк, пробивая дорогу,
В полном составе лег.
Мертвые – прямо к Богу,
Раненые - в острог.

Скошен косою пулеметной,
В Северной Таврии смолк
135-й пехотный
Керчь-Еникальский полк.

Какие трагичные и прекрасные строки о красавцах солдатах, которые не кланялись пулям. И как горько осознавать, что пали они в Таврии от рук своих соотечественников, таких же солдат, которые оказались в рядах «красного» движения.

Вихрь Гражданской войны.

А далее вихрь Гражданской войны подхватил Михаила Бутчика, и нес его по просторам России, по украинским полям, по крымским берегам. Ему оставалось в этом земном мире еще пробыть пять лет. Но он этого не знал, он участвовал в ратных походах, он выполнял приказы своих командиров, он и сам стал военным министром. И на каждом посту он добросовестно выполнял все порученное, казалось, что следует Присяге, данной однажды Отечеству. Однако, вся дальнейшая

жизнь была похожа на бег по кругу, лишенный смысла и любой возможности достичь успеха. Но это мы видим сейчас, спустя столетие. А тогда, в 1918 году, Бутчик становится Генеральным значковым армии Украинской Державы, затем прибывает в Крым, где возглавляет военное министерство в первом и втором Крымских правительствах Сулькевича и Соломона Крыма. Он оказывается в Севастополе и Екатеринодаре, играет значительную роль в Белом движении. Бутчик служит в Штабе Главнокомандующего ВСЮР Деникина, при Врангеле он находится в резерве главнокомандующего. Наконец, в октябре 1920 года вместе с регулярными частями Русской армии наш герой эвакуируется из Крыма в турецкий портовый городок Галлиполи на европейском берегу Дарданелл. Об этих мытарствах Михаила Бутчика мы подробно писали в повести «Михаил Бутчик: судьба русского офицера». Любознательных читателей призовем к чтению повести. А мы вернемся на кипрский берег, в пригород Лимассола Полемидию, где Промыслом суждено нам было узнать о нашем герое и других соотечественниках, которые завершили свои земные дни на Кипре в военном британском лагере в двадцатые годы прошлого века, будучи бесправными беженцами, голодными

и оборванными, презираемыми и страдающими от болезней...

На кипрском берегу.

События 2007 года будет правильнее назвать Промыслом. Именно тогда, одним февральским днем, нам стало известно, что в пригороде Лимассола на Британском военном кладбище есть несколько русских могил 20-х годов прошлого века. Узнав о русском некрополе, мы сразу отправились Полемидию. И там произошла наша встреча офицером-отставником Британских вооруженных сил, капитаном в отставке Чарльзом Гроувзом. Узнав о нашем интересе, добродушный англичанин сразу подвел нас к одной из могил. Это был каменный крест, на котором было выбито имя и воинское звание, а также даты жизни и смерти: подпоручик Первого Марковского полка Михаил Иосифович Овсиенко.

Сердце наполняли горечь и боль, когда стояли мы в секторе «G» британского военного кладбища в Полемидии и смотрели на небольшие из крашеного дерева безымянные кресты с номерами на русских могилах. С первых минут пребывания там было ощущение, что эти могилы нам дороги, сразу возникло желание отдать дань памяти соотечественникам, ставшими изгнанниками поневоле.

Кто же был здесь похоронен? Командант кладбища разыскал список похороненных соотечественников: генерал-лейтенанты Михаил Бутчик и Александр Марголи, полковник-Давид Левкин, офицеры: Иван Курманов, Петр Панченко, Владислав Уршвич, Михаил Овсиенко, Владимир Катановский. Гражданские лица: Иван Руд, Николай Соколов, Елена Гартман, и ребенок Лидочка Колецкая.

Этот список стал самым последним следом нашего героя, русского генерала Михаила Бутчика, который завершал его жизненный путь.

Возникло горячее желание совершить молитву над этим дорогими могилами. И мы обратились к священнику. Настоятель русского прихода во имя святителя Николая-чудотворца кипрский священник протоиерей Савва Михаилидис приехал с нами на кладбище. Он близко к сердцу принял наши заботы, разделил нашу скорбь, мы молились

вместе. А потом еще долго не могли покинуть Полемидию. Переходили от могилки к могилке. А батюшка рассказывал: «В 20-е годы у нас на Кипре была страшная эпидемия ветряной оспы. Она свирепствовала во всем Восточном Средиземноморье. В Платрасе, горном поселке, был специальный карантин, куда свозили заболевших. Большинство умирало там. В этом карантине и мой дедушка умер. Можно предположить, что русских беженцев вывозили из Турции, по дороге некоторые заболели, и их оставили на кипрских берегах. Припоминаю, что старики рассказывали о военном лагере, который находился недалеко от кладбища».

Впоследствии нам удалось выяснить, что лагерь действительно был недалеко.

Поиски и находки. Голоса и лица

На Радоницу 2008 года на Британском военном кладбище был совершен заупокойный молебен. К русским могилам пришли сотрудники посольства России на Кипре, прихожане русского прихода, члены общественных организаций соотечественников. С пасхальными песнопениями протоиерей Савва Михаилидис подходил к каждой могилке, на холмики возлагались букеты белых роз. Тогда же мы решили, что все 12 могил должны быть приведены в порядок. Организовали

сбор средств, десятки соотечественников приняли участие в этом благородном деле. В 2010 году на некрополе были установлены мраморные надгробья и русские православные восьмиконечные кресты. Тогда же была сооружена памятная стела, на которой были помещены слова:

«ЗДЕСЬ ПОХОРОНЕННЫ
РУССКИЕ ИЗГНАННИКИ
1921-1922 гг.
ПОМЯНИ, ГОСПОДИ, ДУШИ
УСОПШИХ РАБОВ ТВОИХ.
СОТВОРИ ИМ ВЕЧНУЮ
ПАМЯТЬ».

Одновременно с хлопотами по благоустройству русского некрополя мы начали поиск. Было огромное желание изучить историю русского некрополя, найти потомков соотечественников-изгнанников. Это была и непрерывная работа души, когда размышления о прошлом России, о трагических событиях гражданской войны не покидали. Вектор этой работы был устремлен в 20-е

годы XX века. Я убеждена, если мысли, подобно стрелам, настойчиво направлены в былое, прошлое ответит, откликнется. В своей работе историка я неоднократно находила тому подтверждение. Стрел было выпущено достаточно. И отклики стали приходить. Пришел ответ на наш запрос из архива Министерства иностранных дел России. Там был обнаружен отчет генералу Лукомскому о состоянии лагерей беженцев на май 1920 года, об этом отчете мы уже писали. Из Государственного архива Российской армии пришел ответ, в котором говорилось о том, что большинство офицеров, похороненных на кладбище в Полимии, - участники Русско-японской и Первой мировой войн. Затем зазвучали голоса изгнанников. Расслышать их мне помогла наша соотечественница Анна Хлебина, редактор пражского журнала «Русское слово». Узнав о нашей работе, она подключилась к ней, и в Национальной библиотеке Чехии обнаружила номера газеты «Воля России», которая издавалась русскими эмигрантами в 20 -е годы. В номере газеты от 15 апреля 1921 года была опубликована подборка писем из лагеря русских беженцев, который находился в пригороде Лимассола Полимии. Сфотографированные с микроплёнки, вскоре эти письма были отправлены нам. С волнением я погрузилась в их чтение. Это было

очень печальное погружение. Тогда, в апреле 1921 года, русские беженцы страдали не только от недостаточности питания, одежды. Но от бесправия. Они не имели права на свободу передвижения по острову, не имели права работать, следовательно, не имели денежных средств. Особенно угнетала неизвестность. Что особенно грустно, в среде беженцев возникло напряжение и недоверие друг к другу. Не было единства. Но это и понятно, учитывая те трагические обстоятельства, в которых наши соотечественники оказались. Внимательный анализ текста писем выявил и тот факт, что лагерь в Полимии был не единственным лагерем русских беженцев на Кипре. Дальнейший поиск подтвердил это предположение. Из писем мы узнали, что беженцы в Полимии были разделены на две категории. Гражданские лица и «дивизион», так назывались военные, объединенные во взводы. Дивизион занимался военной подготовкой, строевыми занятиями и т.д. В письме председателя беженского комитета М. Айканова были такие обжигающие строки: «Мы просим вас напомнить всем, что мы, во-первых, люди, что во-вторых, мы - полноправные граждане. Крикните же это за нас тем, кто не слышит и не хочет слышать нас. Помогите нам!». Увы, полноправными гражданами русские люди бывают тогда, когда за

ними сильная могучая Россия. В 1921 году крики о помощи оставляли мировую общественность безучастной. Мы расслышали эти отчаянные голоса спустя 90 лет...

А вскоре нам удалось и взглянуть в лица наших соотечественников из лагеря русских беженцев.

Произошло это благодаря помощи Вячеслава Андреевича Шумского, посла России на Кипре, и его супруги Наталии Львовны. Они передали мне копии нескольких фотографий, сделанных в лагере в 20-е годы. Эти копии прислали им друзья из Греции. Оказалось, что фотографии помещены в фотоальбоме, который издан во Франции. Составителем его является наш соотечественник Андрей Корляков. Мы связались с автором, он откликнулся на наше письмо, прислал нам уникальное издание «Великий русский исход», в котором было помещено 1600 фотографий. На них запечатлены наши соотечественники, которые не по своей воле вынуждены были покинуть отечество и стать беженцами. Лагерю русских беженцев на Кипре в фотоальбоме посвящен небольшой раздел, в котором помещены шестнадцать фотографий, сделанных в 1920-1921 гг. Мы можем увидеть, как выглядел лагерь в Полемидии, который расположился на окраине Лимассола в бывших английских военных казармах. В лагере была православная церковь, ее фотография также есть в альбоме. Несколько фотографий посвящено детям, которых в лагере было более 300 (согласно отчету Половцева, но, может быть, после эвакуации врангелевцев и более того). Есть фотографии весны 1922 года, на них за-

печатлены дети русского лагеря, принаряженные по случаю Пасхи.

На одной из фотографий видим медицинский персонал лагеря и выздоравливающих больных. Надпись гласит: «Многие дамы стали медицинскими сестрами из-за частых заболеваний малярией. Англичане раздают таблетки хинина. Могил на соседнем кладбище становится все больше» На фотографии и кладбище можно разглядеть...

В те далекие дни там появилась и могила генерала Михаила Бутчика. Кто отпел русского офицера, кто стоял у могилы и бросил пригоршню чужой земли на его гроб, кто оплакивал георгиевского кавалера и поднял поминальную чарку — не знаю. Только земной путь русского офицера здесь, на кипрской земле, был завершен.

У прошлого в плену.

Повесть «Михаил Бутчик: судьба русского офицера» подходила к своему завершению, можно было бы и ставить точку. Автор проследила жизненный путь, нашла документы, проливающие свет на малоизвестные события. Последнее пристанище нашего героя, лагерь русских беженцев, нам тоже удалось описать при помощи единомышленников. Удалось и привести в порядок русский некрополь на британском военном кладбище.

Но, оказалось, что встревоженное прошлое не хотело нас отпускать.

На приеме в посольстве России мне довелось познакомиться с бригадным генералом Вильямом Киндоном, заместителем командующего британских вооруженных сил на Кипре. Мы беседовали об истории дипломатических отношениях между Россией и Англией, которые были установлены еще во времена Иоанна Грозного и королевы Елизаветы. Потом разговор коснулся отношений в XX веке, и, конечно, я не могла не рассказать генералу о наших находках на Британском военном кладбище. Мы рассуждали, куда англичане могли вывезти такое большое количество беженцев с Кипра, не остался ли кто на острове. Тема моего собеседника заинтересовала, и вскоре он прислал мне интересное сообщение.

Известный английский историк Тавифа Морган, которая является крупным специалистом по истории вооруженных сил Великобритании на Кипре, по просьбе генерала Вильяма Киндона прислала мне письмо, в котором писала:

«Мои сведения о белых русских очень небольшие. Но я знаю, что районный комиссар Никосии Харт Дэвис отвечал за русских беженцев, количество которых было около 2000, они были размещены в помещениях бывшей турецкой тюрьмы. Насколько мне известно, это было в

пригороде Фамагусты, а теперь, согласно вашему исследованию, вижу, что был лагерь и около Лимассола. Супруга комиссара Вивиан Харт Дэвис вела дневник и писала в нем, что условия в лагере были «очень примитивными. Бедные русские, большинство из которых никогда не занимались физическим трудом, теперь сидели и чахли». Ваши предположения, что они были отправлены на запад вполне логичны. Но я знаю, что, по крайней мере, некоторые из них остались на Кипре. Так, в 30-х годах недалеко от железнодорожной станции в Никосии располагалась фабрика, выпускавшая мягкую мебель. Ею владела семья русских белоэмигрантов по фамилии Классон. Они поставляли шторы с вышивкой в резиденцию губернатора Кипра, это говорит о том, что продукция фабрики была высокого качества. Была и другая семья, которая занималась скорняжным делом. Их фамилия была Шнел, но по всей вероятности они англазировали или изменили свое настоящее имя. Их бизнес был в Никосии, дела шли весьма успешно». Из письма я узнала о том, что на Кипре был и еще один лагерь русских беженцев. Возможно, на британском кладбище Фамагусты есть и другие русские могилы».

В уже упомянутом фотоальбоме Андрея Корлякова есть такие строки: «По подсчетам генерала Луком-

ского в конце июля 1920 года на Кипре было 6100 русских беженцев. Надо признать положение русских беженцев на Кипре удовлетворительным, где им, до известной степени, обеспечено жилье и продовольствие». Судьба такого большого количества наших соотечественников так и не выяснена до сих пор. Английские власти, к которым мы обращались, не имеют сведений о месте отправки беженцев, и рекомендуют обращаться в британские военные архивы. Мы же обратились через кипрские газеты к местным жителям с просьбой сообщить, если им что-либо известно о русском лагере и о судьбе беженцев. Несколько откликов свидетельствовали, о том, что некоторые беженцы и их дети остались на Кипре, работали, учились. Русский элемент в жизни кипрского общества присутствовал, но официально никак себя не проявлял. Видимо, у самих русских и затем их детей не было никакого желания проявлять себя, обращать внимание на свое происхождение. Напротив, было сильное желание интегрироваться, слиться, и, таким образом, выжить. Причин объяснять не надо...

И вновь Полемидия.

У могилы Михаила Бутчика я зажигаю лампадку, на раскаленный уголек кладу кусочек душистого ладана. Светлая струйка ароматного

дыма устремляется вверх. Из глубины души поднимаются слова молитвы: «Упокой, Господи, душу раба Твоего Михаила. Сотвори ему вечную память. Ему, и его боевым товарищам, жизни свои положившим за Родину, изгнанным из Отечества». Здесь в Полимидии – пространство нашей российской истории, пространство нашей культуры и нашей души. В разных местах мира есть такие островки, имеющие отношение к нам. Увы, еще не залечены раны, нанесенные нашему Отечеству революцией и гражданской войной, и история наша, настоящая история, еще не написана, потому что до сих пор расколота. Историк Алексей Расторгуев в предисловии к фотоальбому «Великий русский исход» с горечью пишет: «Повреждение, нанесенное нашему антропологическому естеству, - неисцелимо. Кто не уехал, был истреблен или принужден к мутации, которая изменила и телесный, и моральный облик каждой нации, испытавшей на себе разлагающее влияние коммунизма. А кто уехал? Что за трагедия потерять домашние стены, отеческие могилы и великую слитную силу своего языка? Потерять устойчивость и традицию, способ зарабатывать себе на жизнь и способ говорить, профессию и семью, землю и небо?». Слова, идущие из сердца. Сколько в них трагизма, сколько горечи в признании

неисцелимости. И как же хочется не согласиться с этим признанием. Хочется верить, что есть надежда на уврачевание ран, восстановление исторической памяти и исторической справедливости в отношении русских изгнанников.

Автор призывает не только верить и надеяться, но и потрудиться душой. Это важно нам, но это еще более важно нашим детям и внукам. Работа по изучению подлинной нашей истории и восстановлению исторической справедливости приведет нас к пониманию того, что братоубийственная война недопустима. Какие бы ни стояли перед российским народом политические и экономические проблемы, мы обязаны, решая их, сохранять единство. Единство нашего народа не на песке зиждется. В его основании наш мудрый и могучий язык, наши собранные, а не завоеванные, предками бескрайние просторы, выстраданные духовные ценности, трагичная и все же прекрасная наша история, все величайшие достижения российской цивилизации. Их у нас никому не отнять.

Пусть же каждый услышит сердцем слова Спасителя: «Да будет все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино,- да уверует мир, что Ты послал Меня» (Ин.17, 21).

Неоконченная повесть.

Повесть «Михаил Бутчик. Судьба русского офицера» вышла в свет в 2014 году. Вскоре в наш Центр стали приходиться многочисленные отклики читателей. Было отраднo, что трагические страницы истории Отечества не оставили равнодушными соотечественников. Один отклик стал особенно важным для автора. Это было письмо петербуржца Михаила Возницына. Оказалось, что он даже назван в честь нашего героя Михаилом. Как это возможно? Дело в том, что Михаил Возницын является внучатым племянником

Михаила Бутчика, внуком его двоюродной сестры Александры. Александра Возницына всю жизнь надеялась, что обнаружатся следы ее близкого человека, увы, она скончалась за несколько лет до нашей публикации. Михаил Возницын прислал нам фотографию, которая бережно хранится в их семье. На фотографии Михаил Бутчик запечатлен во время отпуска по ранению. Георгиевский крест на мундире, изможденное болезнью лицо, облик полный достоинства. Ему еще не ведомо то, что произойдет в ближайшие годы, неведом трагичный путь, который приведет на кипрский берег. Но ясно одно, этот путь он пройдет достойно, не изменяя воинской присяге. Увы, Михаил Возницын не смог нам рассказать о семье Бутчика, его братьях и сестре. Бабушка Александра по понятным причинам не распространялась о своих близких. Поэтому так нам хочется, чтобы жизненный путь русского офицера заинтересовал молодых исследователей, чтобы не осталось белых пятен в пространстве его судьбы и судеб тех наших соотечественников, которые нашли свой последний приют на Кипрском берегу.

Глава Седьмая

Дары России

Золотые русские сердца.

Это событие произошло у древних стен монастыря святителя Николая, который стоит с XII века на окраине кипрского селения Орунда.

Мы, руководители Русского православного образовательного центра, совершали путешествие по Кипру с сотрудниками посольства России в Республике Кипр, и заехали на паломничество в монастырь свт. Николая в селении Орунда. Нас радушно встретили сестры монастыря и его игуменья Иустина. Насельницы рассказали об истории обители и о своей земляке, архимандрите Филумене, который родился в Орунде, и мальчиком частенько бывал в монастыре. Именно здесь начинался духовный путь простого деревенского паренька, который привел его вначале в монастырь Святого Креста Ставронуни, а потом и на Свя-

тую землю. Там он нес послушание в монастыре у Колодца Иакова, где Господь имел беседу с самарянской. Служение отца Филумена явило изумительный пример самоотречения и духовного совершенства. Это приводило в ярость религиозных фанатиков, которые однажды жестоко расправились с монахом.

Впоследствии у могилы Филумена стали вершиться многочисленные чудеса исцелений. И был он прославлен в лике святых. Сестры монастыря показали нам вблизи обители и строительство нового храма во имя святого Филумена. Осмотрев будущий храм, наша группа покинула монастырь, а мы задержались, чтобы еще раз поблагодарить матушку Иустинию за гостеприимство. И тут подошла одна паломница из группы. Смущаясь, она протянула игуменье конвертик со словами:

- Матушка, вот мы тут собрали небольшое пожертвование на строительство. Примите, пожалуйста.

Игуменья приняла дар, благословила нас и тихо проговорила:

-Золотые русские сердца. Всегда с подарками.

Этот эпизод, наверное, не удивит наших читателей. Признаемся, в на-

шем национальном характере есть и недостатки, но никто не поспорит: русские любят дарить подарки. И называем мы их гостинцами, потому что и не представляем себе, как это можно придти в гости, как у нас говорится, с пустыми руками. Эта черта национального характера вкупе с щедростью и широтой натуры, была воспитана христианством. Только в русской душе находят горячий отклик слова Господа из Евангелия от Луки: «...и благотворите, и взаимы давайте, не ожидая ничего, и будет вам награда великая» (Лк.6, 35). Речь идет о награде на Небесах, а здесь, на земле награды за свои дары мы и не ждем, как не ждали никаких выгод наши предки, когда привозили или присылали на Кипр братьям по вере дары, пожертвования, вклады в монастыри. «Веселее давать, чем брать», - говаривала моя бабушка, подавая милостыню.

Дары и вклады.

На страницах этой книги мы подробно говорили о двух замечательных литературных памятниках, которые были созданы игуменом Даниилом и монахом Василием Григоровичем-Барским после посещения Кипра. Эти творения – драгоценный дар и нам, россиянам, и киприотам, которым сквозь призму описаний Кипра русскими пешеходцами, дано увидеть фрагменты подлинной истории своей дорогой

отчизны. Рассказали мы и о подвиге матушки Варвары Катаевой, которая сумела организовать сбор пожертвований для восстановления монастыря Ставровуни. В храме св. Лазаря в Ларнаке сияет образ Богородицы Одигитрии. По преданию, икону привезли из Московии в правление царя Алексея Михайловича Романова в благодарность за молитвенные труды (информация сообщена нам архимандритом Лазарем, настоятелем храма). В монастыре св. Неофита-затворника есть интереснейший музей. Его экспонаты - это старинные книги, сосуды, облачения. Наше внимание привлекла Книга учета пожертвований, которые получали монахи монастыря во время их поездки в Россию с целью сбора милостыни. Монахи аккуратно записывали сведения о каждом пожертвовании: сколько и кто подал. Кто побогаче, мог пожертвовать и целых 20 рублей (корова тогда стоила пять). Одна запись особенно тронула. Некая Мария подала монахам полкопейки. Это та самая лепта вдовы, о которой говорил Спаситель. Наши предки, простые крестьяне, далеко не роскошествовали, но делились сердечно с монахами, приплывшими из-за моря с неведомого острова Кипр. Знали, что страдают киприоты от притеснения «басурмана», сочувствовали, были с сердобольны. (Замечу в скобках, что эти прекрасные рус-

ские слова «милостыня», «сердобольность» долгое время пытались искоренять, придавая им некое отрицательное значение. Между тем, они прекрасны по своей высокой духовности). А еще в памяти храню красоту четырех дивных русских икон из храма в селении Омодос.

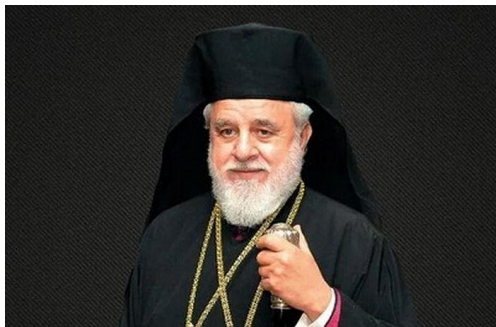

Кто и когда их привез на Кипр? Селяне не помнят, но уверенно говорят: «Αυτά είναι ρωσικά δώρα, φυσικά!» (Это, конечно, русские дары!). Я могла бы и другие примеры привести, но неловко мне много говорить на эту тему, как бы не впасть в грех гордыни, причем превозношение выйдет на основании добрых дел не своих, а наших славных предков.

Слово Владыки Никифора.

Поэтому предоставляю слово выдающемуся деятелю Кипрской Православной Церкви митрополиту Киккскому Никифору. В 2012 году он встречал в Киккском монастыре Патриарха Московского и всея Руси

Кирилла, который совершал поездку на Кипр. Вот выдержка из приветственной речи митрополита:

«Уста немеют, а очи наполняются слезами от неизглаголанной радости - мы встречаем сегодня честного и преподобного, мудрого и глубоко-мысленного руководителя и кормчего, правящего кораблем братской Православной Русской Церкви, встречаем здесь, в сем медоносном улье, где трудятся неутомимые труженики, во всечестной обители Богоматери, древнейшем Киккском монастыре, который является тем золотым звеном, что крепко и нерушимо соединяет Русскую и Кипрскую Церкви. Вся история этой богохранимой обители, Ваше Святейшество, указывает нам на продолжительные и тесные братские связи Кипрской и Русской Православных Церквей, ведь поле трудов братии этого крупного центра монашества простиралось даже до великой России, где в Вартзии в Грузии, которая входила тогда в состав Российской

империи, было основано и действовало подворье Киккского монастыря. Через это подворье и Киккский монастырь, и весь Кипр были связаны с православным народом Российской империи, и таким образом Киккский монастырь являлся одним из главных проводников на Кипр духовных и культурных достижений русского народа и светлым очагом русско-кипрской дружбы и сотрудничества. С другой стороны, постоянная связь Киккского монастыря с Россией происходила посредством чудотворной иконы Божией Матери Елеусы Киккской, одной из трех написанных святым апостолом и евангелистом Лукой. Слава чудотворной иконы Богоматери Киккской дошла, как и следовало ожидать, до России; копии этой иконы появились во многих русских храмах, и самая известная из них находится сегодня в Государственной Третьяковской галерее. Эта икона работы знаменитого живописца Симона Ушакова датируется 1668 годом. Переведенные на русский язык рассказы об истории Киккского монастыря и чудесах от иконы Богоматери Киккской читались православными русскими людьми и способствовали тому, что многие русские паломники во время путешествия в Святую Землю по пути в Палестину посещали Киккский монастырь и оставляли здесь свои благочестивые приношения.

Многие русские паломники оставляли в дар Киккскому монастырю много драгоценных вещей и церковных сосудов, произведенных в России, так что если сегодня русский паломник захочет посетить Киккский монастырь на острове Кипр, то обитель встретит его звоном русских колоколов, свет русских паникадил будет освещать храм, в котором он будет молиться, и из русских богослужебных сосудов он будет причащаться Честных Тела и Крови Христа Спасителя.

Также нужно сказать, что некоторые из русских паломников, посетивших Киккский монастырь в давние времена, такие, как архимандрит Агрифин в 1370 году, монах Зосима в 1421, монах Василий Григорович-Барский в 1727 и 1735 годах, иеромонах Мелетий в 1793 году и другие, оставили записи своих впечатлений от посещения обители, которые были затем опубликованы в виде так называемых путевых заметок и содержат ценные данные

касательно истории и традиций этого древнего монастыря. Кроме того, их рассказы являются непреложным свидетельством исторического наследия Кипра. И кипрские, и иностранные историки поныне черпают из этих «путевых заметок» ценные сведения. И, наконец, еще одна сто

рона в связях Киккского монастыря с православным народом великой страны России - это поездки монахов Киккского монастыря (главным образом, во времена многовекового османского рабства) в Россию за сбором пожертвований для поддержки страждущего греческого православного народа Кипра».

Послесловие.

Наши постоянные читатели, узнав, что идет работа над книгой «Русский след на Кипрском берегу (1106-1922 гг.), стали интересоваться, почему мы ограничились своим повествованием 20-ми годами XX века и не пишем о российском присутствии во второй половине века XX и двух первых десятилетиях века XXI? А ведь российское присутствие на Кипре с распадом СССР стало весьма значительным. Наши соотечественники на Кипре, - это представители бизнес-сообщества, члены смешанных русско-кипрских семей, сотрудники туристической индустрии и IT-компаний, педагоги русскоязычных образовательных учреждений, клир и прихожане русскоязычных приходов. Они вершат добрые дела, проводят значительные мероприятия: конференции и фестивали, праздники и концерты, издают газеты и журналы на русском языке, стремятся сохранить живую связь с Отечеством. Благотворители строят на Кипре храмы. Деятельность яркая, многообразная, полезная. А вот останется ли след от нашего присутствия на Кипре в памяти наших потомков, в памяти кипрского народа, - покажет время. Не будем превозноситься, оставим право вспомнить нас тихим добрым словом тем, кто придет нам во след.

Список иллюстраций.

Глава первая.

- Епископ Егорьевский Марк и посол России в Республике Кипр Вячеслав Шумский с членами Оргкомитета фестиваля «Энотита» -это Единство.....стр. 11
- Памятный знак, посвященный 900-летию установлению духовных связей между народами Киевской Руси и Кипрастр. 12
- За чтением Александра Пушкинастр. 13
- Икона свв. Кирилла и Мефодия – просветителей славянстр. 14
- Владимир Мономах (рисунок из книги «Русская история» Н.И.Костомарова)стр. 14
- Древнерусский текст.....стр. 15
- Нестор – летописец (худ. Л.Тарасевич, 1702 г.)стр. 16
- Издание Императорского Палестинского Общества «Житие и хождение Даниила, игумена земли Русской» (1885г.).....стр. 17
- Древнерусская ладья.....стр. 18
- Великий князь Киевский Владимир Мономах (из «Царского Титулярника» 1672 г.).....стр. 19
- Император Византии Алексей Комнин I пред Христом.стр. 21
- Карта мира XI века.....стр. 23
- Церковь Богородицы Полей (Асину), построенная в год прибытия на Кипр игумена Даниила.....стр. 25
- Монастырь Ставровуни (рис. Василия Григоровича-Барского)стр. 26
- Священник с ладанницей (кадилом)стр. 27

Глава третья.

- Василий Григорович-Барский на Кипре (рис. Валерия Зыкова) стр. 31
- Книга Н.Зыковой «Василий Григорович-Барский: путешествие на Кипр 18 века»..... стр. 32
- Маршрут Григоровича-Барского по острову Кипр стр. 33
- Книга Зыковой «Паломничество на Кипр православный»..... стр. 33
- Издание Императорского Палестинского Общества «Странствования Василия Григоровича-Барского по святым местам Востока» стр. 36
- По пути русского монаха стр. 37
- Маратасса. Современное фото стр. 38
- Надпись на стене, оставленная Василием Григоровичем-Барским в 1735 году в храме монастыря св. Иоанна Лампадиста..... стр. 41
- Мощи св. Иоанна Лампадиста и надпись В. Григоровича-Барского (в левом верхнем углу) стр. 41
- Митрополит Лимассольский Афанасий за молитвой на открытии мемориальной доски стр. 43
- Выступление посла Украины Бориса Гуменюк..... стр. 44
- Посол России на Кипре Станислав Осадчий на открытии мемориальной доски стр. 44
- Выступление мэра Лимассола Андреаса Христу стр. 44
- Мемориальная доска на стене храма Богородицы Лесной Долины стр. 46
- Грамота митрополита Киевского Владимира сотрудникам РПОЦ за проект по увековечиванию памяти Василия Григоровича-Барского . стр.46
- Камень и Крест на месте утраченной могилы Василия Григоровича-Барского в Киево-Братском монастыре стр. 47

Глава четвертая.

- Илья Репин «Монахиня»стр. 48

Глава пятая.

- Вид на Ларнаку. Рисунок Григоровича-Барского.....стр. 52
- Парадный портрет императрицы Екатерины II. Худ. Рокотов.....стр. 53
- Андреевский стягстр. 53
- Портрет графа Алексея Орлова-Чесменского. Худ. В. Эриксенстр. 54
- Айвазовский «Хиосский бой».....стр.59
- Вид на Бейрут. Рисунок 18 векастр. 61
- Указ Екатерины IIстр. 63
- Портрет Константина Перистиани из Большой Кипрской
Энциклопедиистр. 70
- Казнь архиепископа Кипра Киприана туркамистр. 70
- Мраморная плита с надгробья на могиле К. Перистиани
(ныне на стене храма св. Лазаря в г. Ларнака)стр. 71
- Драгоман Хаджигеоргакис Корнесиос молится Богородице.
Гравюра 19 встр. 74

Глава шестая.

- Вход на Британское военное кладбищестр. 84
- Русский некропольстр. 85
- Урок хореографии в Сиротском институте (Гатчина)стр. 86
- Вид на Рязанский кремльстр. 87

- Книга М.Басханова «Русские военные востоковеды» стр. 92
- Георгиевский крест..... стр. 94
- Открытие памятника в Павлодаре. 1914 г..... стр. 95
- Русские воины идут в атаку стр. 96
- Портрет Михаила Бутчика..... стр. 100
- Могила подпоручика Марковского полка Михаила Овсиенко..... стр. 103
- Мемориальная стела на русском некрополе стр. 105
- Фотографии, сделанные в русском лагере беженцев в Полемидии:
Лагерная церковь, - Группа беженцев, - Русские дети..... стр. 106
- Возложение цветов стр. 110
- Портрет Михаила Бутчика. 1914 г. стр. 111

Глава седьмая.

- Монастырь свт Николая в селении Орунда стр. 112
- Русские иконы в монастыре Животворящего Креста
в селении Омодос стр. 114
- Владыка Никифор, митрополит Киккский и Тиллирийский стр. 114
- Русский колокол в Киккском монастыре стр. 115
- 2012 г. Приезд Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
Кирилла в Киккский монастырь во время визита на Кипр..... стр. 116

Содержание.

Благословение.....	стр. 3
Приветствие посла Российской Федерации в Республике Кипр Осадчего Станислава Вилиоровича	стр. 4
Предисловие.....	стр. 5
Глава I. Посланец Киевской Руси	стр. 8
Глава II. Очарованные странники.....	стр. 29
Глава III. Московит – гражданин Киева.....	стр. 31
Глава IV. Матушка Варвара Катаева	стр. 48
Глава V. Под Андреевским стягом	стр. 51
Часть 1. Российский консул	стр. 51
Часть 2. Константин Перистианис.....	стр. 67
Глава VI. Русский некрополь в Полемидии.....	стр. 83
Глава VII. Дары России.....	стр. 112
Послесловие	стр. 117

Об авторах.

Зыкова Наталия Владимировна

Наталия Владимировна - историк, педагог, журналист и общественная деятельница. Родилась в 1952 году в семье военнослужащего. В 1975 году окончила Рязанский государственный педагогический институт по специальности преподавание истории, английского языка, Основ государства и права, обществознания. В 1975-1980 гг. преподавала историю и английский язык в ряде учебных заведений города Москвы.

В 1980-1985 гг. служащая Советской армии в пограничном районе (по месту службы супруга, офицера Вооруженных сил). Заведовала библиотекой в воинской части, организовывала культурные мероприятия патриотической направленности среди военнослужащих.

В 90-е годы экскурсовод и методист экскурсионного отдела ВДНХ.

С 1995 года проживает на Кипре, поступила и в 1997 году окончила магистратуру. Затем преподавала в ряде учебных заведений Кипра английский язык и всеобщую историю. В Профессиональном музыкальном центре профессора Нефен Михаилиду преподавала Историю музыки, активно занималась журналистикой.

Зыкова – автор более пятиста публикаций в русскоязычных СМИ Кипра, а также в кипрских газетах и журналах в переводе на греческий язык. Неоднократно ее материалы были опубликованы в СМИ России, других европейских стран.

При Московской Патриархии окончила курсы преподавателей Основ православной культуры.

В 1997 году Зыкова при поддержке супруга и членов семьи создает на Кипре Русский православный образовательный центр (РПОЦ). Центр проводит большую просветительскую работу по благословению священноначалия Кипрской Православной Церкви, при поддержке Отдела внешних церков-

ных связей Московского Патриархата и Посольства Российской Федерации в Республике Кипр. За время работы Центр провел более двадцати международных фестивалей и выставок, стал инициатором проведения на Кипре Дней славянской письменности и культуры. Центр координирует свою деятельность с русскими православными приходами и другими общественными организациями российских соотечественников на Кипре.

Наталия Зыкова – автор книг, посвященных истории Кипра, Кипрской Православной Церкви, духовным связям кипрского и русского народов.

В течение четверти века Наталия Зыкова трудится в храме святого Лазаря г.Ларнака, организуя паломничества православных соотечественников в эту жемчужину православия.

Наталия Зыкова считается ведущим специалистом в области культурологи и истории российско-кипрских отношений. При поддержке Посольства России на Кипре РПОЦ организует и проводит мемориальные мероприятия, посвященные памятным датам, важным для народов дружественных стран.

В 2012 году Патриарх Московский и всея Руси Кирилл во время своего визита на Кипр лично наградил писательницу Орденом святой преподобной Евфросинии Великой княгини Московской во внимание к трудам на благо Русской Православной Церкви.

В 2013 году вместе с супругом была награждена медалью святых Петра и Февронии – «За любовь и верность».

В 2016 году Верховный Атаман Союза казаков России наградил Зыкову медалью «Алексий Человек Божий» за вклад в укрепление духовных связей между народами России и Кипра и за просветительскую работу среди молодежи, направленную на изучение истории казачества.

Наталия Зыкова - дипломант Международной литературной премии им. Петра Ершова.

В 2017 году награждена Почетной Грамотой правительства города Москвы за сохранение и продвижение русского языка, духовных ценностей, формирование и сплочение русской диаспоры на Кипре.

На фото: Наталия Зыкова вручает русскую икону митрополиту Китионскому Нектарию.

Зыков Валерий Александрович

Валерий Зыков - кадровый военный, православный педагог, общественный деятель.

Родился 1952 в семье военного. В 1973 году окончил Рязанское Высшее Военное Командное Училище Связи. С 1973 по 1997 гг. находился в рядах вооруженных сил. Проходил службу в отдаленных гарнизонах, неоднократ

нократно был поощрен командованием.

После выхода в отставку, с 1997 года живет и работает на Кипре, является администратором русского православного образовательного центра. Возглавляет Паломнический отдел РПОЦ, работа которого проводится под духовным руководством Епископа Месаорийского Григория, руководителя Паломнического отдела Архиепископии Кипрской Православной Церкви. Награжден дипломом Кипрской туристической организацией за вклад в развитие религиозного туризма.

Является ответственным редактором издательства Русского православного образовательного центра.

В течение десяти лет руководил работой Русской редакции православного радио Лимассольской епархии.

С 2006 года является Председателем оргкомитета по подготовке и проведению дней славянской письменности и культуры.

В течение ряда лет входил в состав Координационного совета российских соотечественников на Кипре.

В 2012 году во внимание к трудам на благо Русской Православной Церкви награжден Патриархом Московским и всея Руси Кириллом Патриаршей грамотой.

В 2013 году Валерий Зыков вместе с супругой был награжден медалью свв. Петра и Февронии – «За любовь и верность».

В 2016 г. за организацию на Кипре мероприятий, посвященных 1000-летию русского монашества на Святой Горе Афон администрация Русского Православного Образовательного Центра по благословению приснопамятного архимандрита Иеремии была награждена памятной медалью Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря.

В 2017 году награжден Почетной Грамотой правительства города Москвы за сохранение и продвижение русского языка, духовных ценностей, формирование и сплочение русской диаспоры на Кипре.

В 2017 году во внимание к трудам на благо Святой Церкви удостоен Медали Ордена Русской Православной Церкви святителя Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского.

В октябре 2018 года во внимание к трудам по проведению и организации паломнической работы с соотечественниками Красноярского края митрополитом Красноярским и Ачинским Пантелеимоном награжден медалью священномученика Амфилохия епископа Красноярского.

На фото: награждение архиепископом Антонием (ныне Председатель отдела внешних церковных связей Московского Патриархата) Валерия Зыкова медалью ордена свт Иннокентия.

Издания Русского православного образовательного центра.

1. История Кипра. История Кипрской православной церкви.

- «В гостях у музы Клио».

Сборник очерков по истории древнего Кипра.

- «Слово о Кипре»

Рассказы об истории античного и византийского Кипра.

- «Золотой венец Лефкосии»

Очерки по истории столицы Кипра г. Никосии.

- «Друг Христа и его Кипрская обитель»

Книга посвящена духовному подвигу Друга Христа св.Лазаря, первого епископа Китионского и истории его обители на Кипре.

- «Наследники святого Ираклидия»

Рассказ о первом епископе Тамассоса и его последователях.

2. Российско-кипрские духовные и дипломатические связи.

- «Василий Григорович-Барский: путешествие на Кипр XVIII-го века»

В книге рассказывается о выдающемся русском путешественнике и просветителе Василии Григоровиче-Барском, посетившем Кипр в 18 в, и оставившем потомкам бесценный труд о своем путешествии.

- «Поместные православные церкви» (в соавторстве со Сретенским монастырем)

- «Посланец Киевской Руси»

Повесть о посещении Кипра первым известным русичем игуменом Даниилом положившим начало духовным связям между народами Кипра и Руси.

- «Святая Кипрская Земля»

Книга написана по благословию приснопамятного Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Эта книга о прикосновении русской души к кипрским святыням.

- «Паломничество на Кипр православный» По стопам Василия Григоровича-Барского.

- «Михаил Бутчик: судьба русского офицера»

Повесть рассказывает о русском некрополе на Кипре где спят вечным сном сыны России, генералы, офицеры, участники Белого движения.–

- «На службе России»

Книга посвящена истокам дипломатических отношений между народами России и Кипра, изучению начала истории Российского дипломатического присутствия на острове и увековечиванию памяти трудов самых первых консулов, представляющих интересы Российской империи на Кипре.

- «Русский след на Кипрском берегу»

Истории присутствия русских на Кипре 1106-1922 г.г.

3. Книги, посвященные русской и европейской культуре

- «Годы странствий»

Сборник очерков о европейской культуре.

- «Искра Божия».

Рассказы о талантливых людях» (очерки о выдающихся деятелях русской культуры).

-«О человеке, в котором все было прекрасно»

О христианских мотивах в творчестве Антона Чехова.

4. Книги для детей отдела издательства РПОЦ «Золотое яблоко»

- «Сказки бабушки Марулы»

Десять кипрских народных сказок для детей. Книга награждена Дипломом Международного литературного конкурса имени Петра Ершова.

- «Лампадка»

Рассказы для детей о кипрских святых.

- «Волшебный ключик музыки Клио»

Сказочные путешествия в разные эпохи кипрской истории.

- «Приключения Азбуки»

Рассказ для детей о возникновении письменности.